

КУРЬЕР ЮНЕСКО

ЯНВАРЬ 1982

ВСТРЕЧА С КАРИБАМИ

Photo José Ostler © Musée de l'Homme, Paris

СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА

Гаити

Кресло почетного гостя

Вырезанное в форме неведомого чудовища из ствола дерева гуаяк, это церемониальное кресло «духо» являет собой замечательный образец искусства резьбы по дереву, которым владели индейцы племени тайно, одного из коренных народов, населявших Карибский регион до появления европейцев. Когда Христофор Колумб в 1492 г. высадился в Санто-Доминго, приветствовавшие его индейцы предложили ему занять место в таком кресле — честь, которой удостоивались лишь наиболее почетные гости. Считается, что этот редкий экземпляр, хранящийся в Музее Человека в Париже, является одним из тех многих «духов», которые Колумб привез с собой в Европу.

Курьер Юнеско

Окно, открытое в мир

ЯНВАРЬ 1982

35-й ГОД ИЗДАНИЯ

ПУБЛИКУЕТСЯ НА 25 ЯЗЫКАХ

Русском	Тамили	Корейском
Английском	Иврите	Суахили
Французском	Персидском	Македонском
Испанском	Голландском	Сербско-
Немецком	Португальском	хорватском
Арабском	Турецком	Словенском
Японском	Урду	Хорватско-
Итальянском	Каталанском	сербском
Хинди	Малайзийском	Китайском

Шрифтом Брайля ежеквартально публикуется подборка статей на английском, французском и испанском языках

Публикуется ежемесячно ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Курьер ЮНЕСКО» выходит 11 выпусками в год (один раз в год — специальный номер). Издание журнала на русском языке с 1957 года осуществляется издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО». При перепечатке подписанных статей необходимо указывать имя автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки готовятся сотрудниками редакции.

Адрес главной редакции
ЮНЕСКО, ФРАНЦИЯ, Париж, 75700,
Плас Фонтенуа

Главный редактор
Жан Годэн

Заместитель главного редактора
Ольга Родель

Ответственный секретарь
Джиллиан Уиткомб

Помощники главного редактора

русский яз.: Говард Брабин (Париж)

французский яз.:

испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)

немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)

арабский яз.: Абдель Монеим Эс-Сауи (Каир)

японский яз.: Кадзуо Акао (Токио)

итальянский яз.: Марио Гидотти (Рим)

язык хинди: Кришна Гопал (Дели)

язык тамили: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)

язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)

персидский яз.: Самед Нуринеджад (Тегеран)

голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)

португальский яз.: Бенедикто Силва

(Рио-де-Жанейро)

турецкий яз.: Мефра Ильгазер (Стамбул)

язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)

каталанский яз.: Хоан Керрерас-и-Марти

(Барселона)

малайзийский яз.: Бахадор Шах (Куала-Лумпур)

корейский яз.: Ли Кван Ян (Сеул)

язык суахили: Домино Рутазбесиба

(Дар-эс-Салам)

издания шрифтом Брайля: Ф. Поттер (Париж)

македонский, сербско-хорватский, словенский,

хорватско-сербский языки: Пуниша Павлович

(Белград)

китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)

Литературные редакторы

английский яз.: Рой Мэлкин

французский яз.:

испанский яз.: Хорхе Энрике Адоум

Документация: Кристиан Буше

Иллюстрации: Арнен Бейли

Оформление: Филипп Жантий

4 ВСТРЕЧА С КАРИБАМИ
Знакомство с Антильскими островами,
их историей и населением
Алехо Карпентьер

10 СЛАДОСТЬ САХАРА
И ГОРЕЧЬ РАБСТВА
Мануэль Морено Фрахиальво

14 ЖИЗНЬ И БОРЬБА
ТУССЕНА-ЛУВЕРТЮРА
Рене Делестр

14 ПРОЗОРЛИВЫЙ ВЗГЛЯД СИМОНА БОЛИВАРА
Мануэль Мальдонадо-Денио

16 В ГОРНИЛЕ ПЕРЕМЕН
Рене Делестр

29 «НАШИ КАРИБЫ»
Мэрион Патрик Джоно

31 CALENDRIER LAGUNAIRE
Эме Сезер

31 ОРТИС
Пионер карибских исследований
Лисандро Отеро

32 НОВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ,
рожденная в борьбе противоречий
Эдуард Глиссан

38 МЕСТЬ КАЛИБАНА
Роберто Фернандес Ретамар

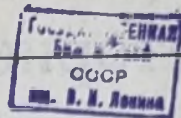
40 ЮНЕСКО И КАРИБЫ

41 ХОСЕ МАРТИ
«Гражданин Америк»

42 МАРКУС ГАРВИ И ЕГО МЕЧТА
Нэннет Рамчанд

43 «РЕГГИ»: МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ЯМАЙКИ
Себастьян Нлари

2 СОКРОВИЩА МИРОВОГО ИСКУССТВА
Кресло почетного гостя (Гаити)

П. 83-1709

Обложка

Появление Христофора Колумба и испанцев у берегов Антильских островов в 1492 г. положило начало процессу смешения культур в этом регионе, процессу, сопровождавшемуся такими трагическими явлениями, как колониализм и работорговля. В него были вовлечены европейцы, индейцы и прежде всего африканские негры, а привел он к появлению уникального исторического «сплава», чрезвычайно многообразного и в то же время объединенного общим образом жизни и общим мышлением. Синтез культур карибских стран, один из наиболее необычайных и плодотворных процессов мировой истории, является темой настоящего выпуска журнала. Из-за ограниченности места в номере рассматриваются только страны Карибского архипелага; сюда не вошли государства, расположенные на Американском континенте и в историко-географическом отношении неразрывно связанные с Карибским бассейном. На обложке: репродукция картины «Умбраль» [1949—1950] работы кубинского художника Вифредо Лама.

Photo © Luc Joubert. Musée National d'Art Moderne, Paris

ISSN 0304-3150

ВСТРЕЧА С КАРИБАМИ

Знакомство с Антильскими островами, их историей и населением

Алехо Карпентьер

Photo Goursat © Rapho, Paris

Необычайна и незаурядна роль Карибского региона в истории Американского континента. Здесь, у Антильских островов, Христофор Колумб впервые описал в своем судовом журнале открывшиеся ему новые горизонты, незнакомые земли и невиданные растения. Именно эти записи в судовом журнале и отчеты Колумба о своих плаваниях, представляемые католическим монархам, утвердили в умах людей понятие Нового Света, и они впервые получили полное представление о мире, в котором живут. Они узнали, что Земля — это шар, и уже могли исследовать ее с полным пониманием того, куда направляются. Впервые за всю свою историю люди узнали, в каком мире они живут.

Столь важным было это событие, столь далеко идущие последствия оно имело, что его можно назвать крупнейшим историческим событием, разделившим человечество на две части: на тех, кто жил до открытия Америки, и на тех, кто появился после. Итак, Америка была открыта, когда в силу некоего стечения обстоятельств этот континент и в первую очередь Антильские острова стали ареной первого известного нам симбиоза трех человеческих рас, которые как таковые прежде никогда не встречались: белых европейцев, доселе неизвестных американских индейцев и африканцев, которые были известны европейцам, но никогда не появлялись по ту сторону Атлантического океана. Этот уникальный симбиоз был совершенно исключительным как по масштабу, так и по заложенным в нем культурным возможностям: он стал основой самобытной цивилизации.

Но едва было сделано это открытие, едва Новый Свет, как его стали называть, обрел известность, как возник некий негативный фактор, который впоследствии был компенсирован явлением более позитивного характера.

АЛЕХО КАРПЕНТЬЕР (Куба), скончавшийся в позапрошлом году, был одним из выдающихся испано-язычных писателей. Его книги переведены на многие языки мира. На русском языке вышли, в частности, следующие произведения писателя: «Царство земное», «Потерянные следы», «Век просвещения» (1974), «Превратности метода» (1978). А. Карпентьер — крупный знаток музыкального искусства. Им написана работа «Музыка Кубы» (опубликована на русском языке в 1962 г.), а также множество статей и очерков о латиноамериканской литературе и музыке. Настоящая статья представляет собой переработанную запись беседы с писателем, которая передавалась по кубинскому телевидению во время проведения Карибского фестиваля искусств — КАРИФЕСТА, состоявшегося на Кубе в 1979 г.

Карта Карибского архипелага (Амстердам, 1662 г.).

ОСТРОВА КАРИБСКОГО БАССЕЙНА	Население тыс.	ДОМИНИКА ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА КАЙМАН КУБА МАРТИНИКА МОНТСЕРАТ ПУЭРТО-РИКО СЕНТ-ВИНСЕНТ и ГРЕНАДИНЫ СЕНТ-КРИСТОФЕР-НЕВИС-АНГИЛЬЯ СЕНТ-ЛЮСИЯ ТЕРКС и КАЙКОС ТРИНИДАД и ТОБАГО ЯМАЙКА	81 5124 12 9728 325 13 3317 96 67 113 6 1133 2133
АНТИГУА	74		
АНТИЛЬСКИЕ (Нид.)	246		
БАГАМСКИЕ	225		
БАРБАДОС	265		
БЕРМУДА	58		
ВИРГИНСКИЕ (Брит.)	12		
ВИРГИНСКИЕ (США)	104		
ГАИТИ	4853		
ГВАДЕЛУПА	330		
ГРЕНАДА	97		

Начнем с фактора негативного. С открытием Америки появилась концепция колониализма. До прихода испанцев в Америку португальцы, эти искуснейшие мореходы, достигали берегов Азии, открывали то, что они называли «островами пряностей», и вместе с немногими конкурентами из Англии и Франции ходили под парусами до Индии и спускались к югу Африки. Но им и в голову не приходила идея создания колоний в строгом смысле этого слова. Они организовывали торговые фактории, искали один товар и привозили другой. Они торговали и меняли, и, если где-то и поселялось 10—15 семей, это были семьи торговцев, которые и не помышляли о колонизации.

Испанцы же, с другой стороны, оправились в Америку с иными помыслами. Первым крупным колонизатором, высадившимся в Америке

после ее открытия, был старший сын Колумба, Диего, прибывший туда со своей женой Марией Толедо, племянницей герцога Альбы. В Санто-Доминго он основал двор в стиле Ренессанса. Вскоре там появились университеты и театры, и по улицам нового города некогда прогуливался Гонсало Фернандес де Овьедо, будущий первый историк Вест-Индии.

Казалось, что концепция колонизации обрела под собой твердую почву. Однако история полна неожиданностей, и люди не учли одного непредвиденного фактора — африканских рабов. С Африканского континента везли закованных в цепи и кандалы, задыхающихся в кишках паразитами трюмах негров, которых потом продавали как товар и содержали в самых унижайтельных условиях, до каких только можно низвести

человеческое существо. И тем не менее с собой они привезли зародыш идеи независимости. Именно этим париям, именно этим изгоям человеческой расы со временем предстояло одарить нас столь бесценным даром, как концепция национальной независимости.

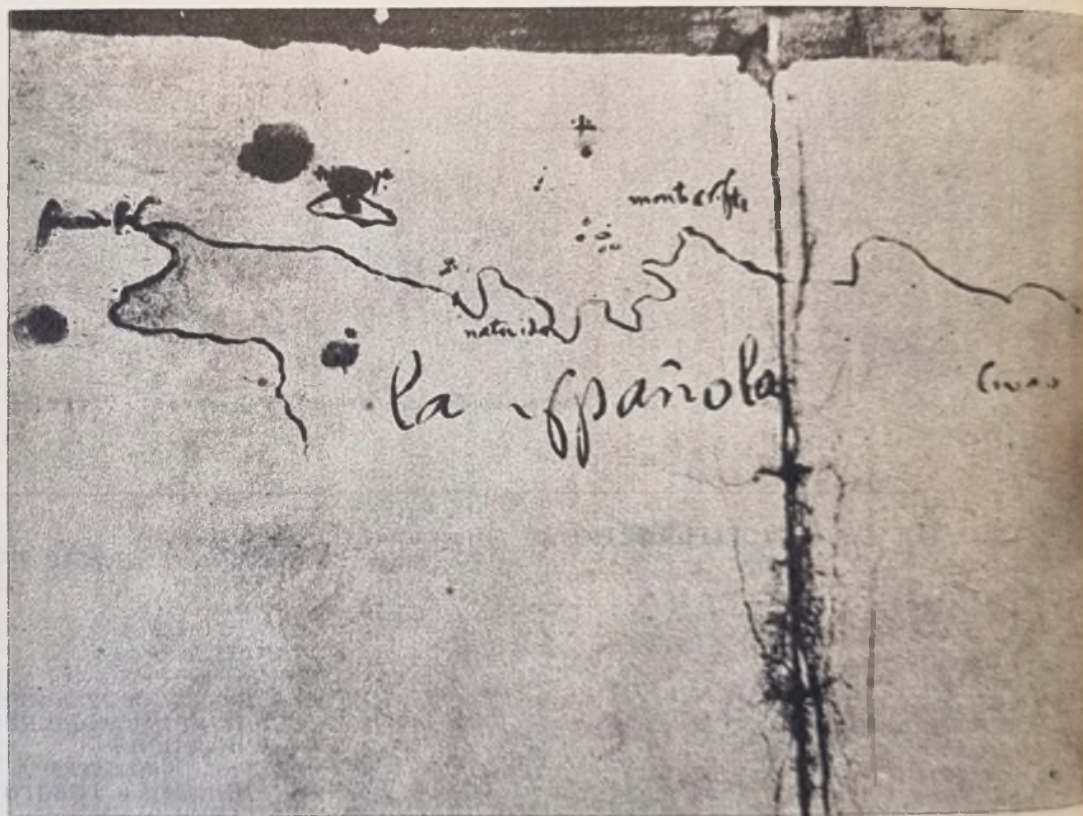
Если бы у нас была карта, на которой каждое восстание негритянских рабов на Американском континенте отмечалось вспышкой красной лампочки, то начиная с XVI в. такая лампочка мигала бы постоянно. Первое крупное восстание произошло в XVI в. на Бурийских копях в Венесуэле под предводительством негра Мигеля, которому удалось создать независимое королевство со своим двором и даже отдельную церковь со своим собственным епископом.

Вскоре после этого под лозунгом «Дорогу неграм» вспыхнуло восстание

Панорамное фото Иль-де-Сен (вверху) составлено из трех фотографий, сделанных в один из безветренных дней 1899 г. «Какое чудо!» — воскликнул за четыре столетия до этого Христофор Колумб, высадившись на одном из островов Карибского моря. набросок карты справа был сделан великим мореплавателем в 1493 г. На нем изображены очертания северо-западного побережья Испании («Испанского острова»), ныне острова Гаити, на котором находятся государства Гаити и Доминиканская Республика. Север на карте отмечен крестиком.

Photo © Editora Taller, Santo Domingo.
Taken from «Mapos y Planos de Santo Domingos», by E. Demorizi

в Мексике, которое повергло колониальные власти в такой ужас, что вице-король Мартин Эрикес в качестве одной из наиболее устрашающих мер наказания распорядился беспощадно подвергать кастрации каждого бежавшего в горы негра. Некоторое время спустя началось восстание в каторжной тюрьме поселка Палмарис, где бразильские беглые рабы создали свое независимое королевство, успешно отражавшее нападения многочисленных экспедиций, высылаемых против него португальскими колонизаторами, и просуществовавшее более шестидесяти лет.

В конце XVII в. вспыхнуло восстание на Суринаме, возглавляемое тремя негритянскими предводителями: Сент-Сэмом, Востоном и Араби; восставшим удалось некоторое время продержаться против четырех голландских экспедиций, посланных на подавление мятежа. Восставали

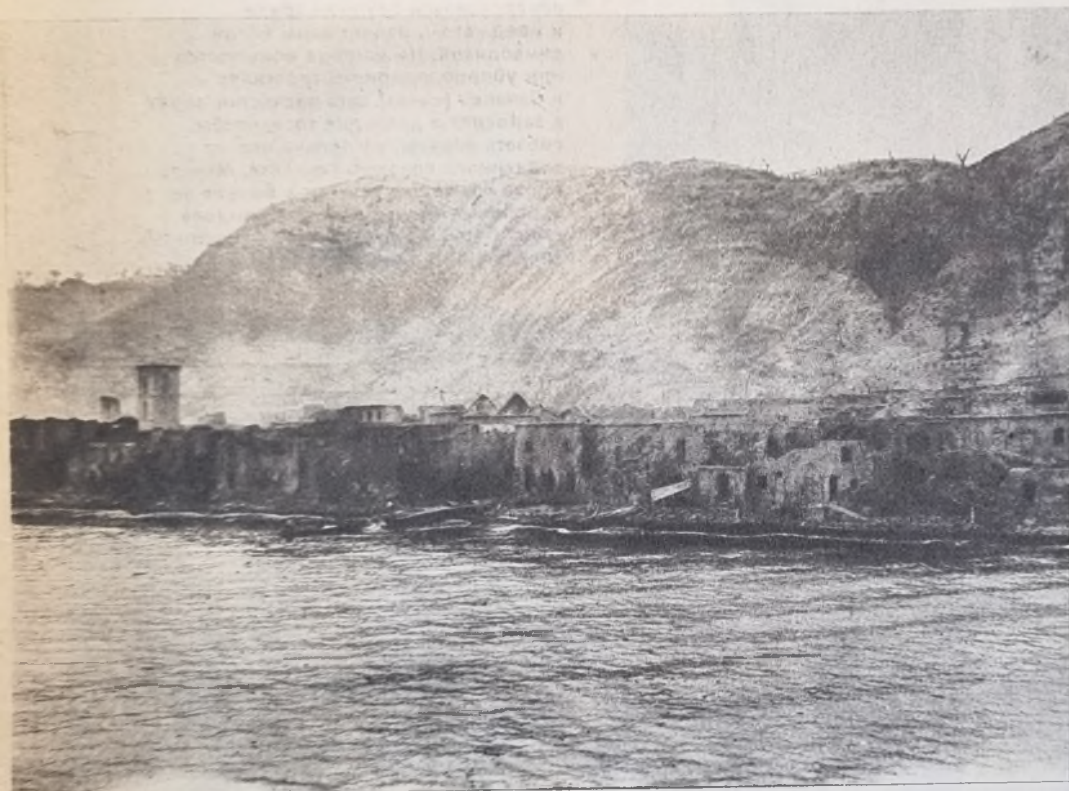
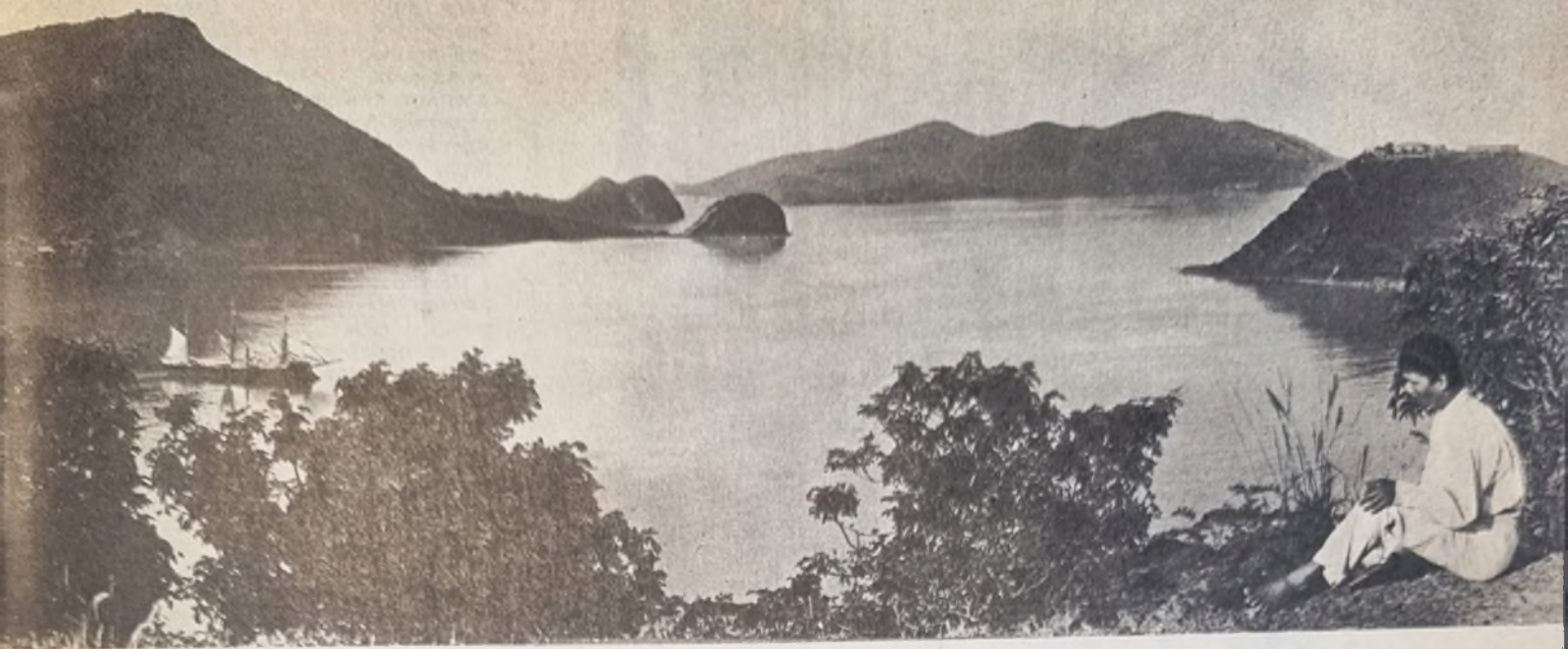
«портные» в Баие, пламя восстания, возглавляемого Апонте, вспыхивало на Кубе. Однако особо упомянуть следует о «Клятве в Буа-Каймане», ибо это событие имело исключительно важные исторические последствия.

Однажды ненастной ночью в местечке, известном под названием Буа-Кайман, или Крокодиловый лес, отряды рабов из французской колонии Сан-Доминго (ныне Гаити) поклялись добиться независимости своей страны. Выполнить эту клятву и превратить мечту в действительность предстояло их великому вождю Туссену-Лувертюру (см. с. 14). Вместе с этой клятвой родилась подлинная концепция независимости. Понятию колонизации, принесенному испанцами на остров Эспаньола, было противопоставлено понятие деколонизации, зародившееся на том же самом острове. Так было положено начало войнам за независимость и антиколониальным

войнам, которые продолжаются и по сей день.

Если мы обратимся к знаменитой «Энциклопедии» Вольтера, Дидро, Руссо и д'Аламбера, авторов, идеи которых обладали столь глубоким воздействием на вождей наших битв за независимость, то мы увидим, что концепция независимости в этом важном произведении середины XVIII в. все еще носила сугубо философский характер и касалась независимости человека перед богом и монархией. В «Энциклопедии» затрагивается свобода воли и свобода личности, но ничего не сказано о политической независимости. А гаитяне негры требовали — и в этом смысле они были провозвестниками всех наших войн за независимость — политической независимости и полной эмансипации.

Многие могут возразить, что «Клятва в Буа-Каймане» прозвучала

Любая попытка изображать Антильские острова как «рай на земле» сталкивается с жестокой реальностью: их история — это история извержения вулканов, землетрясений, циклонов. Одно из величайших стихийных бедствий в истории человечества произошло в 8 час 02 мин утра 8 мая 1902 г., когда неожиданно началось извержение вулкана Монтань-Пеле, крупнейшего на острове Мартиника. Меньше чем за минуту город Сан-Пьер и все 28 000 его жителей были полностью уничтожены (фото слева). Огромным бедствием также являются ураганы или циклоны, которые, согласно карибской мифологии, раздражаются тогда, когда начинает гневаться бог ветра У-Ра-Кан. В XVII в. здесь было зарегистрировано 13 циклонов, в XVIII — 33, в XIX — 28, а в нашем столетии они превзошли уже и это число. Неисчислимы бедствия, которые приносят некоторые циклоны, оставили по себе недобрую память у жителей каждого карибского острова.

Photos © Société de Géographie, Paris

только в 1791 г., через несколько лет после достижения независимости Соединенными Штатами Америки. Это действительно так. Но, однако, не следует забывать, что, когда тринадцать североамериканских колоний освободились от опеки английской короны и образовали независимое государство, никаких изменений в характере жизни этих колоний не произошло. Землевладельцы остались прежними, а крупные собственники и торговцы продолжали жить как раньше. Пока в Америке не началась Гражданская война, никому и в голову не приходила мысль о возможном освобождении рабов. Другими словами, после провозглашения Декларации независимости дела в Соединенных Штатах шли, как и прежде.

По-иному, однако, обстояло дело в Латинской Америке, где после восстаний на Гаити, за которыми последо-

вал ряд войн за независимость, увенчавшихся завершающей победой при Аякучо в 1824 г., произошли радикальные изменения как в характере социальных отношений, так и в общественной жизни. Это произошло одновременно с появлением фигуры креола — фигуры не новой, но до тех пор не считавшейся политически значимой.

Кто же такой креол? Само это слово впервые начинает появляться в старых американских документах, датированных примерно 70-ми гг. XVI в. В широком смысле слова креолы — это либо родившиеся от смешанных испано-индейских или испано-негритянских браков, либо американские индейцы или негры, но живущие рядом с колонизаторами.

Креолы тем не менее считали, что ими пренебрегают и что они заслуживают большего. В своем «Письме с Ямайки», одном из важнейших до-

кументов, связанных с историей Америки, Симон Боливар Освободитель следующим образом охарактеризовал положение креолов (включая и наиболее состоятельных) накануне войны за независимость, в которых он сам сыграл важнейшую роль: «Если не считать самых исключительных случаев, среди нас никогда не было вице-королей или губернаторов; иной раз среди нас попадались епископы и архиепископы, но дипломаты — никогда; мы служили в армии, но никогда не поднимались выше младших офицеров; даже наша знать никогда не обладала никакими реальными привилегиями. Наконец, среди нас никогда не было ни судей, ни банкиров, а торговцы встречались крайне редко».

Если взглянуть на историю Америки в целом, то обнаружится одна очень важная особенность: все ее развитие шло через классовую борьбу.

▶ Мы не вели династических войн за трон, как это было в Европе, мы не знали феодальных междоусобиц, подобных Столетней войне, нам были незнакомы религиозные войны в прямом смысле этого слова. Та постоянная борьба, которую мы вели на протяжении столетий, была прежде всего борьбой между конкистадорами и поработанным, угнетенным классом коренного населения. За ней последовала борьба колонизаторов с конкистадорами.

Появившиеся позднее колонизаторы начали создавать олигархию и насаждать свою власть, преуспев в ликвидации класса конкистадоров, почти все представители которого были полностью разорены, лишены своих земель или умерли насильственной смертью. Очень немногим из них удалось спокойно встретить старость.

Колонизаторы, которые заняли место прежней знати, после этого взя-

Мачете, длинный нож или тесак, является на Антильских островах повседневным орудием труда и предметом, наделенным некой символикой. Им широко пользуются при уборке сахарного тростника и бананов (слева), для расчистки дорог в зарослях и даже для того, чтобы срезать верхушку у только что сорванного кокосового ореха. Мачете также служило оружием в борьбе за освобождение и в качестве символа такой борьбы используется в некоторых современных танцах (внизу).

лись за креолов. В конце концов, когда начались войны за независимость, коренные обитатели Америки поднялись против испанцев. Однако победившие креолы в свою очередь создали новую олигархию, против которой пришлось сражаться рабам, обездоленным слоям населения и растущему среднему классу. В этот класс входила почти вся интеллигенция: люди умственного труда, писатели, профессора и преподаватели, и именно этому примечательному классу предстояло расти и развиваться на протяжении всего XIX в. и вплоть до начала нынешнего столетия.

На этом этапе борьбы, которой было суждено продлиться до середины XX в. и которая еще не окончена, в странах Америки начало крепнуть чувство национального самосознания. Другими словами, у креолов, занявших высокое положение по всему континенту, начался поиск своей особой самобытности, а на более поздней стадии, по мере роста на Антильских островах движений независимости, креолы начали осознавать себя: одни как жители Ямайки, другие — Мартиники, третьи — Кюрасао, т. е. начали осознавать свою национальную принадлежность к тому или иному острову, из которых и складывается этот огромный карибский мир и которые обладают своими особенностями и отдают себе в этом отчет.

Глядя на Карибский бассейн в целом, невозможно не восхищаться той блестящей плеядой великих людей, которых дал нам этот регион за прошедшие века, — людей, ставших творцами нашей истории. Они свидетельствуют о существовании явления, которое можно назвать «карибским гуманизмом». Наши великие деятели никогда не ограничивали деятельности и мышления своим узким кругом, служили примером для соседних народов. Обмен людьми дополнялся взаимопроникновением идей. В нас всегда было стремление к взаимопониманию в контексте наших общих чаяний.

Адмирал Брион, родом с Кюрасао, поддерживал Боливару в борьбе за независимость Венесуэлы, Колумбии, Эквадора, Перу и Боливии. Петсион, президент Гаити, призывал Боливару к уничтожению рабства в Венесуэле, обещая ему за это свою моральную и материальную поддержку в этой войне. Максимо Гомес, освободивший Кубу, по происхождению был доминиканцем. Родители братьев Масео, сражавшихся за независимость кубинского народа, принимали участие в борьбе за свободу Венесуэлы. Акт о независимости Венесуэлы был подписан кубинцем Франсиско Хавьером Янесом. А великий Хосе Марти, провозвестник независимости Кубы, чья многогранная деятельность в области истории и политики охватывала весь Карибский регион, оставил нам много волнующих, проникнутых духом истины и глубокой любви стран, касающихся Венесуэлы, Гватемалы, Мексики, карибских стран в целом.

Благодаря этому обмену людьми и общности идей материковые районы Мексики, Венесуэлы и Колумбии, заселенные африканскими рабами в ходе того же процесса колонизации, что и Перу, Гуаякиль и Бразилия, в конечном итоге тоже вошли в этот карибский конгломерат, который мы сегодня начинаем понимать и постигать во всем его единстве, сравнивая то, что объединяет нас и что делает каждого из нас неповторимым, наши сходства и различия, неотъемлемое право каждого и общее наследие всех.

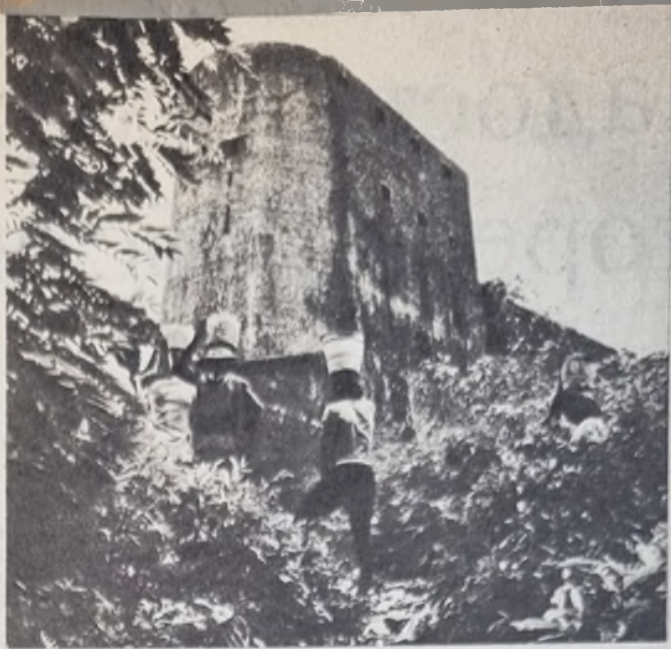

Photo Michel Claude, Unesco

В северной части Гаити, на скалистом мысу, почти на тысячеметровой высоте над уровнем моря находится крепость Лаферьер (вверху), построенная для защиты молодого независимого государства от возможного вторжения изгнанных с острова колонизаторов. Строительство этой мощной цитадели было начато в первые годы XIX в. генералом Аири Кристофом, одним из руководителей увенчавшегося успехом национального восстания. Утверждают, что в этом строительстве — изображенном на рисунке внизу — участвовало 20 000 человек, которые работали в течение девяти лет. Этот символ освобождения Гаити серьезно пострадал во время землетрясения 1842 г., а сегодня постепенно разрушается под воздействием неблагоприятных климатических условий, влажности и бурной тропической растительности. По просьбе правительства Гаити Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду-Махтар М'Бой 10 марта 1980 г. выступил с призывом к международному сообществу спасти культурное наследие Гаити и продемонстрировать «братство людей через диалог их культур».

Photo Philippe Leclaire, Unesco

Сладость сахара и горечь рабства

Мануэль Морено Фрахиальс

Существует ли такое явление, как карибская самобытность? Этот вопрос возникает довольно часто, и тот факт, что его продолжают задавать, свидетельствует либо о том, что о такой самобытности ничего не известно или в отношении ее существования нет уверенности, либо о том, что имеются некие силы, которые заинтересованы в отрицании этой

самобытности. Мы считаем, что «культурная самобытность» является историческим результатом единой эволюции общих социально-экономических факторов.

Широкая дуга Антильских островов представляет собой островную экосистему с едиными климатическими и геологическими характеристиками, а в более ранние времена — с почти

одинаковой флорой и фауной. С тех пор как европейцы начали появляться в Южной Америке, эти острова в силу своего географического положения сделались естественным местом пересечения морских путей имперской Испании, своего рода «границей империи». В качестве такого пограничного района Антильские острова были местом грандиозных сражений и опустошительных колониальных войн. Такова была первоначальная роль, которую эти острова сыграли в жизни империи. Однако они обладали также пригодными для эксплуатации ресурсами и, помимо своего первоначального значения как вспомогательных опорных пунктов, также имели важное значение в силу своего экономического потенциала. В течение XVIII в., например, Куба была оплотом испанской державы в этом регионе, а также крупнейшим производителем табака и сахара; Ямайка же была островом сахарных плантаций и ключевой базой английского флота.

Общность климатических условий, географическое положение архипелага и сходство физических характеристик — все это делало большинство Антильских островов удобным местом для развития системы сахарных плантаций с использованием труда рабов. Для создания таких плантаций необходимы определенный рельеф местности, близость моря, соответствующая температура и влажность, наличие лесных ресурсов, близость скотоводческих хозяйств и бесперебойная судоходная связь с рынком сбыта (Европой) и рынком рабочей силы (Африкой).

Коренное население Антильских островов, имевшее общее происхождение, в ходе исторического развития было уничтожено. Исконная культура народов Карибского бассейна прослеживается до 2500 г. до н. э. Процесс колонизации, жертвой которой стали аборигены, положил начало их истреблению; варварская эксплуатация, которой эти народы подвергались, сопровождалась эпидемиями, разрушением экономического уклада их жизни, утратой веры в собственные силы, вызванной победами завоевателей, и даже преднамеренным уничтожением. Англичане, французы, голландцы отнюдь не делали тайны из гибели индейцев на островах, колонизованных Испанией, однако те же англичане, французы и голландцы умалчивали о том, как они сами систематически истребляли коренное население захваченных ими островов.

На этих островах, население которых систематически сокращалось, была создана единая экономическая структура — рабовладельческое плантационное хозяйство, типичное детище европейского капитализма. Подобная система не была изобретением какой-либо одной колониальной европейской державы; скорее это был результат их общего колониалистского опыта. Система плантаций, внедренная португальцами в Сан-Томе, была перенесена в Америку испанцами. Испано-португальская модель была усовершенствована англичанами и французами (Ямайка и Санто-Доминго — трагические примеры такого

МАНУЭЛЬ МОРЕНО ФРАХИАЛЬС (Куба) — историк, преподаватель университета, консультант Центра карибских исследований при «Каса де лас Америкас» в Гаване. Одной из его последних работ является книга «Распад и отмена системы рабства в Карибском регионе».

Photo © D. Сегас, Paris

«усовершенствования»), а впоследствии вновь взята на вооружение испанским колониализмом, который на Кубе еще больше усложнил такую систему эксплуатации.

Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, т. к. историки часто склонны говорить о различных категориях «рабства» в зависимости от того, кем было введено рабство: англичанами, французами, португальцами или испанцами. Есть лишь один вид рабства, и его единственная цель — эксплуатация труда человека; национальное же происхождение эксплуататора не имеет большого значения. Я не согласен с мыслью о существовании различных типов рабства, обусловленных религией эксплуататора, а также с такими понятиями, как «легкая» или «злая» форма рабства. Для порабощенных масс рабство всегда одинаково; различия в степени эксплуатации вызывались соответствующими экономическими факторами и надстройкой.

Мы также отвергаем всякие расовые признаки, на основании которых один рабовладелец может быть для африканца лучше другого. Африканцы попали в рабство потому, что Африка представляла собой удобный и близкий рынок дешевой рабочей силы; когда в XIX в. обстоятельства изменились, рабочую силу начали привозить из Китая и Индии.

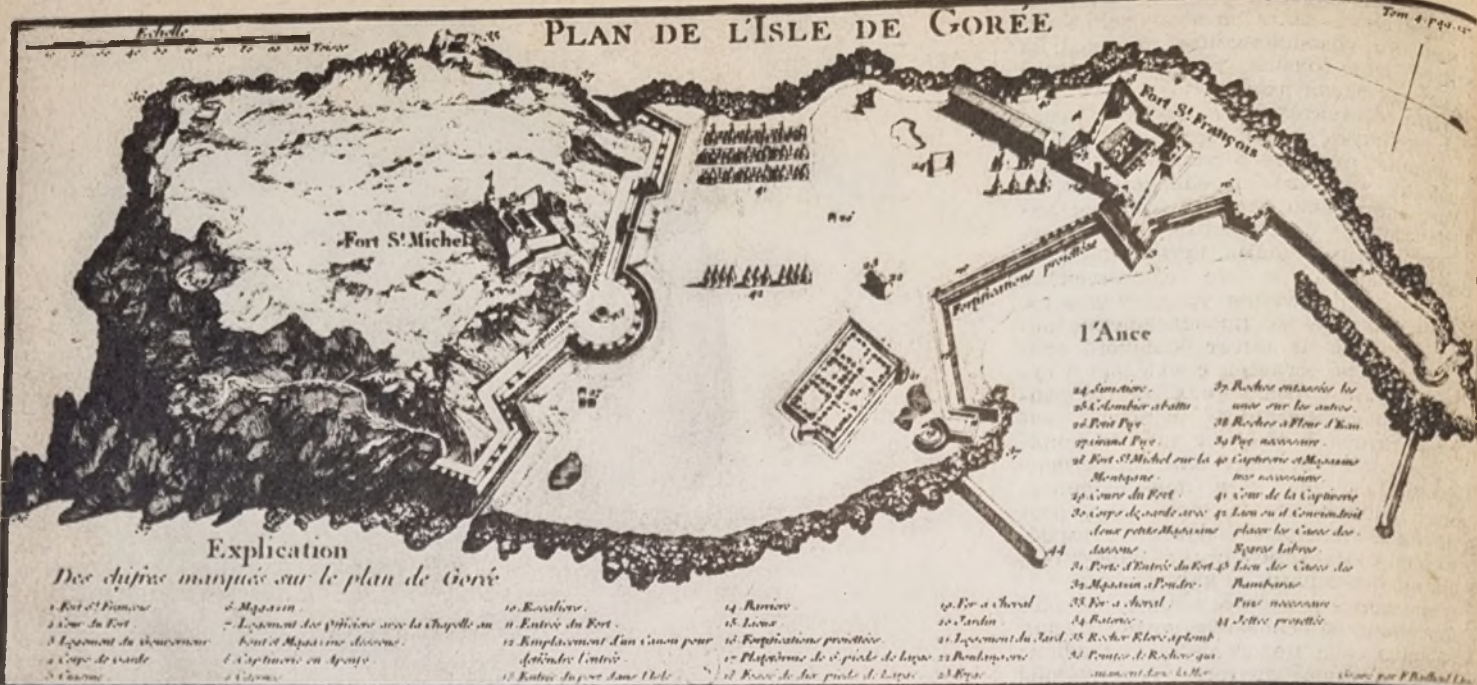
Попытка создания такой же системы порабощения и наживы была предпринята и в отношении коренного населения Вест-Индии. Еще в 1494 г. сам адмирал Христофор Колумб отобрал на острове Эспаньола (Санто-Доминго) пятьдесят туземцев, которые были отправлены в Испанию и проданы в рабство. И, как писал Бартоломе де Лас-Касас, Колумб признавался, что, продав всех индейцев этого острова вместе с другими товарами, он получит около 40 млн. мараведи. Охота на туземцев островов Карибского моря для продажи их в рабство была узаконена еще в 1508 г. И если верны подсчеты, сделанные Педро Мартиром де Англерией, то за период с 1508 по 1513 г. около 40 тыс. коренных жителей Карибского региона были захвачены и проданы в рабство на золотые копи. Колониальное варварство привело к уничтожению коренного населения, и, таким образом, аборигены не могли быть использованы в работе на плантациях; оставшиеся воинственно настроенные группы населения мешали функционированию плантаторских хозяйств и подвергались систематическому уничтожению. Типичный пример — истребление англичанами и французами туземцев на острове Мартиника.

Плантации в Карибском бассейне начали создаваться в XVI в. на захваченных Испанией островах Санто-Доминго, Пуэрто-Рико и Куба. В XVII в. эта система распространилась на Малые Антильские острова, а позднее — на Ямайку и как экономическая структура стала доминирующей. Малые Антильские острова были сплошь покрыты плантациями; там не осталось ни места для других видов экономической деятельности, ни даже территории, где могли бы скрываться беглые рабы. На Больших Антильских островах плантаторское предпринимательство чередовалось с другими видами хозяйственной деятельности и имелись широкие возможности для социального развития. Эти различия в масштабах привели к различиям в социально-экономических уровнях развития плантационных хозяйств, однако большинство

Почти не осталось следов коренных народов, карибов и араваков, которые населяли острова Карибского бассейна до появления на них испанцев. За несколько десятилетий европейского колониального правления эти народы были практически уничтожены, и сохранилась сегодня лишь горстка их потомков, разбросанных по всему региону. До нас дошло несколько небольших, но искусно выполненных образцов их материальной культуры. Вверху: вырезанный из черного базальта стилизованный череп (высота 22 см), служивший культовым или обрядовым предметом у говоривших на аравакском языке представителей культуры тайно на Пуэрто-Рико. Внизу: антропоморфическая каменная голова (высота 12 см, длина 17 см). Это один из представляющих большую ценность для науки «треугольных камней», которые считаются анимистскими символами цивилизации тайно.

Начиная с XV в. разные европейские державы использовали остров Горс, лежащий в двух милях от Дакара (Сенегал), в качестве перевалочного пункта в «торговле черным деревом» в Атлантике. Здесь в сырых казематах или в камерах пыток для особенно непокорных молодые африканцы ожидали отправки на плантации или мануфактуры Нового Света, и в первую очередь Вест-Индии. Работоторговля, эта одна из величайших трагедий в истории человечества,

наложила глубокий отпечаток на формирование культурного и политического облика многих районов Америки. В декабре 1980 г. в знак признания культурного и исторического значения архитектурного наследия острова Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду-Махтар М'Боу обратился к международной общественности с призывом сохранить и реставрировать постройки на острове Горс. Вверху: план острова с гравюры 1779 г.

прочих общих характеристик остались прежними.

Каждая плантация при создании являлась просто-напросто скоплением людей, которые не представляли собой какого-либо единого общества. На этом начальном этапе плантацию можно сравнить с тюрьмой, в которой почти все заключенные, возраст которых составлял от 18 до 30 лет, имели африканское происхождение, хотя и относились к различным этническим группам. Женщин среди них насчитывалось не больше 10—30%, а нередко на плантациях работали только мужчины.

При такой репрессивной системе все рабочее время рабов было четко расписано, свободное времени они не имели, режим питания определялся хозяевами, жилье отвечало требованиям экономии и безопасности, одежда шилась по одному образцу для всех, личная жизнь ограничивалась функциями воспроизводства, а вследствие диспропорции численности мужчин и женщин семьи как таковые отсутствовали.

Такой уклад, типичный фактически для всех плантаций при их создании, со временем изменился. Среди рабов установилась незаметная для постороннего глаза иерархия, стала возникать общность интересов и узы братства, а рождение детей привело к созданию семейной ячейки, в которой обычно преобладал матриархат, поскольку в условиях системы угнетения, царившей на плантациях, отец не мог брать на себя ответственность за своего ребенка. Шел процесс социальной интеграции рабов, однако его осуществлению препятствовало сокращение их численности вследствие превышения смертности над рождаемостью (логический результат диспропорции мужчин и женщин и тюремного режима), и для сохранения рабочей силы на прежнем уровне

надо было регулярно восполнять контингент рабов. Тем не менее процесс социализации все же шел и обуславливался одним объединяющим фактором — все они были рабами, не имевшими никакого отношения к свободным людям.

Ведение плантационного хозяйства требовало наличия некоего экспортно-импортного центра, который, помимо осуществления своих основных задач, обеспечивал бы функционирование целого ряда служб, образующих инфраструктуру. Таким образом, начали складываться своего рода города, где наряду со свободными людьми жили и рабы, но где отсутствовал тюремный дух плантаций и в силу этого складывались иные социальные отношения. Постепенно различия между городом и деревней, типичные для всех видов общества, приобрели в плантационных обществах более определенные черты. Под влиянием внешних факторов (стоимость рабов, цена на продукцию плантаций и т. д.), а также внутренних факторов (рентабельность предприятий, применение технических достижений, снижение плодородия почв и др.) плантационные хозяйства претерпевали изменения, пока не обрели специфические социальные характеристики, общие для всех островов.

Независимо от социального уровня, которого они достигли, рабы на плантациях островов Карибского моря были подвержены общему процессу декультурации. Под декультурацией подразумевается преднамеренная деятельность, в ходе которой в целях экономической эксплуатации культуры определенной группы людей искоренялась с тем, чтобы облегчить освоение природных богатств территории, где находилась эта группа или куда она была перемещена с целью использования ее дешевого неквалифицированного рабского или полураб-

ского труда. В американских плантационных обществах декультурацию можно рассматривать как побочное средство достижения максимальной производительности труда.

Декультурация была сознательным действием в отношении рабов, с тем чтобы полностью лишить их своей самобытности. Их лишали даже имен. Среди тысяч и тысяч документов, касающихся положения рабов в Карибском бассейне, мы столкнулись лишь с двадцатью случаями, когда рабам были оставлены их африканские имена. Их традиции, связанные с едой, одеждой и жильем, были разрушены, их музыка и религия — запрещены, и им был навязан язык их хозяев. Сопротивляться процессу декультурации рабы могли, лишь тайно сохраняя свои культурные ценности и идеалы. Так началась борьба между доминирующей культурой, которая стремилась интегрировать и подчинить себе другую культуру, и культурой угнетенной, выступавшей в качестве объединяющего фактора сопротивления. Это диалектическое противоречие явилось одним из основных источников культуры стран Карибского бассейна.

Однако этот процесс так и останется непонятым, если мы будем отталкиваться от классической, традиционной антропологической схемы, согласно которой перенесение африканских культурных ценностей на европейскую почву сопровождается процессом «транскультурации» или «интеграции». Реалии Карибского бассейна были совсем иными. С самого начала там создавались новые общества, одновременно формировавшиеся из африканцев и европейцев, причем в результате грабительских капиталистических войн первые оказались в подчинении, а вторые составили эксплуатирующую группу. Общества с такими африканскими

вкраплениями ранее не существовало. В своей основе это была система экономической эксплуатации, на базе которой доминирующий класс создал свою культуру и стремился навязать ее угнетенному классу.

Естественно, эта культура была основана на европейских ценностях и системах, которые были переработаны, воссозданы и обновлены с учетом экономического, политического и социального положения на плантациях. Доминирующей культуре противостояла культура сопротивляющаяся, изначально базировавшаяся на африканских ценностях и системах, которые трансформировались и исчезали или приводили к классовой борьбе в тех случаях, когда сталкивались с навязываемой им декультурацией и репрессивной системой.

Таким образом, на каком-то этапе система рабовладельческих плантаций начала распадаться. На разных островах процесс распада начался в разное время и был отмечен разными характерными особенностями: на одних плантации вообще исчезли, на других обрели современный вид, и там продолжалась торговля рабочей силой. К вест-индским островам потянулись длинные нити миграций, и для работы на плантациях сахарного тростника привозили людей из все новых и новых мест. Однако смена национальности эксплуатируемых не изменила самого существа эксплуатации.

В силу этих исторических причин потомки бывших рабов, главным образом негры и мулаты, представляли собой самую бедную, самую незащищенную и наиболее эксплуатируемую группу общества. В культурном смысле они сделали объектом самых различных предубеждений и самых жестоких форм социальной дискриминации. Их преднамеренно изолировали и отделяли от других слоев общества, натравливали друг на друга, стремясь не допустить их объединения. Элементы культуры, вносимые этими группами, создаваемые и воссоздаваемые ими, были тесно связаны с социальной изоляцией, экономической эксплуатацией и культурной отверженностью, навязываемыми господствующими классами.

Для изучения культурной самобытности именно с таких позиций необходимо проанализировать те формы, которые обрела эта культура сопротивления, стремившаяся обеспечить свое существование или воссоздание. Результаты такого анализа симптоматических характеристик этой культуры — но не ее подлинных структур — указывают на наличие «дуалистических» или «плюралистических» обществ. Эти факты подтверждаются исключительно интересными наблюдениями со стороны, однако упускается из виду тот факт, что культурные различия заключаются не просто в противопоставлении европейских и африканских ценностей на фоне взаимодействия культур двух континентов в абстрактном контексте; дело в том, что эти культурные различия имеют самое прямое отношение к весьма реальным классовым конфликтам.

Другие, более идеалистически настроенные исследователи склонны выискивать — африканские черенки, привитые к европейскому стволу. Третьи охотятся за африканизмами, подсчитывают их и пытаются определить, сколь успешно они внедрились в сформировавшиеся структуры. Четвертые на основании сложных антропологических данных разрабатывают теорию социальной изоляции. Но, как

Photo Bibliothèque Nationale © Société de Géographie, Paris

Основой карибского колониального общества была плантация, замкнутый мир, в котором антагонизм между белым хозяином и черным рабом определял многие аспекты культурного развития региона. Этот расколотый мир вращался вокруг двух полюсов, соседствующих и враждующих: «большого хозяйского дома» и хижин рабов. Хозяин со своей семьей жил в усадьбе, при нем же находилась прислуга. Хижины рабов являли собой совершенно иной мир, где черные труженики зачастую жили в бесчеловечных условиях. Фото сверху было сделано на Мартинике в 1882 г. Внизу: группа хижин на одной из плантаций острова Кюрасао.

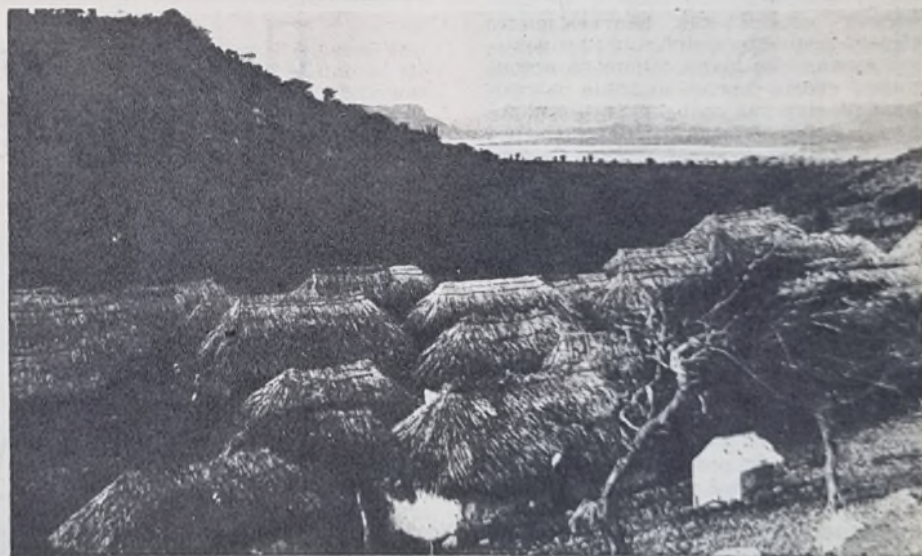

Photo © Luc Joubert, Paris. Nelly and René Depestre Collection

Сахар, табак и монокультура — таков лейтмотив карибской истории. Если сахар был доминирующей культурой, то сразу же за ним шел табак, и некоторые карибские страны, особенно Куба, завоевали всемирную известность как производители табака. Изготовление знаменитых кубинских сигар требует высокого мастерства. Слева: этикетка сигарной коробки.

Жизнь и борьба Туссена-Лувертюра

Туссен-Лувертюр (1743—1803)

Photo © Jean-Loup Charmet, Paris

справедливо замечено, «хотя многие из этих народов были лишены доступа к полноправному участию в жизни общества или не имели даже самых элементарных гражданских прав, они всегда вносили свой вклад в экономический порядок». Действительно, то обстоятельство, что они были гражданами низшей ступени, является следствием капиталистического режима.

Роль, которую афро-латиноамериканские народы сыграли в Карибском регионе, выступая в качестве исключительно дешевой рабочей силы, и особенно эмиграция жителей Гаити, Ямайки, Пуэрто-Рико и других островов в США и в столицы европейских государств — все это привело к значительному и повсеместному снижению общей средней стоимости неквалифицированной рабочей силы. Вытеснение этих людей на периферию общества совсем не означало, что они избавлялись от эксплуатации или же больше не являлись создателями материальных благ.

Столь же бесперспективен поиск самобытности, основанной на цвете кожи («негритюд») или давнем африканском культурном прошлом, хотя он и зародился в самих эксплуатируемых массах. Здесь не учитывается или игнорируется тот факт, что использование рабского или полурабского труда не имело отношения к цвету кожи: среди рабов встречались и белые, и индейцы, а позднее — китайцы, индийцы и полинезийцы. Возникла опасность того, что «негритюд», этот громкий и завораживающий боевой клич мятежной группы, выступающей против расовых предрассудков, начнет превращаться в идеологию. Возвращение к своему африканскому прошлому, признание исторических корней как неотъемлемого идеала ценности карибских народов — это выявление лишь одного из источников своего происхождения и проявление чувства солидарности с народами, которые веками подвергались эксплуатации и ограблению. Однако вне этих рамок данная концепция теряет свою значимость, ибо карибская культура не является африканской: она создана и воссоздана в специфических условиях Карибского региона.

Колониализм и неоколониализм пытаются в своих интересах увековечить его культурную разнородность. Наряду с таким реальным препятствием, как языковой барьер, появляются изоляционистские или просто ложные утверждения о том, что каждый остров воспринимает себя и выступает в качестве независимой культурной — а отсюда и политической — единицы. В отдельных случаях это привело к тому, что некоторые страны региона ведут поиск своей самобытности в метрополиях, в иностранных державах, но только не на своей родной земле. Подлинная культурная самобытность народов Карибского региона зачастую оспаривается и даже отвергается. Однако история и реальность, нашевшие свое выражение в сфере культуры, свидетельствуют об обратном. Сегодня перед карибскими деятелями культуры и социологами стоит гораздо более сложная задача, нежели упрощенческий поиск африканских элементов в своей культуре или ее сопоставление с современными африканскими культурами. Их задача — исследовать специфические явления интеграции и общие символические формы, возникшие в Карибском регионе в процессе консолидации там новых обществ.

Photo © Roger Viollet, Bibliothèque Nationale, Paris

Симон Боливар (1783—1830)

«**Б**ратья и друзья! Я — Туссен-Лувертюр. Возможно, вы слышали это имя. Я жажду возмездия. Я хочу, чтобы в Санто-Доминго чтли свободу и равенство, и буду бороться за это до конца. Идите к нам, братья, сражаться за общее дело!»

Этот призыв, прозвучавший в 1793 г., исходил от человека, которому исполнилось пятьдесят лет и который к тому времени был полностью готов отдать себя борьбе, ставшей делом всей его жизни и его призванием.

Туссен Бреда родился 20 мая 1743 г. в От-дю-Кап. Он был потомком Гау-Глиноу, африканского вождя племени арада. Его крестный отец Пьер Батист научил его читать и писать, и знание французского языка открыло ему доступ к таким произведениям, как «Записки» Юлия Цезаря, «Грезы» Маршалла Сакса, «История войн» Геродота и прежде всего «Философская и поллитическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» аббата Рейналя. Последнее произведение поразило его ум и воображение и стало для него своего рода открытием, увертюрой к будущему, и именно это французское слово, «лувертюр», раб Бреда сделал своим именем, под которым он завоевал известность.

Кроме того, его знакомство с лекарственными растениями своей родины и некоторые познания в области ветеринарии, которые он приобрел, работая на конюшне своего хозяина Байона Либертата, сделали непрерываемым его авторитет среди бежавших в горы негров-маронов, когда он к ним присоединился. Он был невысок, худощав, молчалив, некрасив, но ничем не примечательная внешность скрывала характер исключительной силы, сочетавшийся с

недожимной физической выносливостью и большим умом, что блестяще проявилось, когда он руководил военной борьбой в Санто-Доминго (Гаити) с 1791 по 1803 г.

Считается, что основная историческая заслуга Туссена-Лувертюра состоит в том, что он превратил разрозненные группы негров-маронов в закаленную в боях, дисциплинированную армию освободителей. В нем сочетались глубокое знание тактики партизанской борьбы и удивительное умение вовремя пойти на компромисс, что позволило ему максимальным образом использовать противоречия, существовавшие между различными колониальными империями.

Последние годы XVIII в. ознаменовали начало беспокойного периода для колонии Санто-Доминго, где Туссен-Лувертюр дал толчок необратимому процессу освобождения. Он понимал, что новая власть, ставшая у кормила правления Франции после государственного переворота 18 брюмера, поставит под вопрос сохранение непротчных завоеваний Гаитянской революции. И действительно, Бонапарт не замедлил подписать декрет, обязывающий поместить на всех флагах Санто-Доминго следующие слова: «Доблестные чернокожие! Помните, что французы, и только французы, признают вашу свободу и равенство ваших прав!» Реакция Туссена-Лувертюра была мгновенной. «Мы стремимся,— сказал он,— не к какой-то частной свободе, предоставленной лишь нам одним, а к неукоснительному соблюдению принципа, согласно которому ни один человек, будь он рожден с красной, черной или белой кожей, не может стать собственностью других людей».

«Когда появился Туссен-Лувертюр,— писал Эме Сезер,— пришло время принять декларацию о правах человека в прямом смысле этого слова, показать, что не существует никаких рас, что не бывает второстепенных стран и что нет исключительных народов. Пришло время конкретизировать и уточнить общий принцип».

Такое широкое, универсальное толкование прав человека показало Наполеону Бонапарту совершенно беспрецедентным явлением, и он направил в Санто-Доминго экспедиционный корпус под командованием генерала Леклера для восстановления рабства. В ночь с 7 на 8 июня 1802 г. Туссен-Лувертюр был предательски арестован генералом Брюне. На борту судна «Эро» он был доставлен во Фраппию в крепость Жу в горах Юра, где 7 апреля 1803 г. скончался от голода, холода и тоски по родине. Во время своего ареста он произнес следующие слова: «Повергну меня, вы срубили лишь побег Древа свободы чернокожих. Но из мириадов своих глубоких корней оно поднимется снова».

28 ноября 1803 г., спустя совсем немного после этих пророческих слов, ближайший сподвижник Туссена-Лувертюра генерал Жан-Жак Дессалин провозгласил в Форт-Дофиале независимость Гаити. Так закончилась борьба, которую вел Туссен-Лувертюр, «борьба за преобразование формального права в право реальное, борьба за признание человека, борьба, которая позволяет понять, почему восстание черных рабов, вспыхнувшее в Санто-Доминго, по справедливости занимало и продолжает занимать столь важное место в истории всего человечества».

Р. Даластр

Мануэль Мальдонадо-Денис

Симон Боливар Освободитель всегда считал, что народы Америки никогда не добьются полной свободы, если из сферы освободительной борьбы выпадут Куба и Пуэрто-Рико. Без освобождения Кубы и Пуэрто-Рико, этих последних «двух жемчужин испанской короны», усилие по извлечению континента от колониальных пут окажутся незавершенными, не говоря уже о том, что независимость латиноамериканских народов будет постоянно находиться под угрозой державы, которую Хосе Марти годы спустя сравнил с тигром, ежеминутно покушающимся на завоевания народов континента; континент этот он с присутствием ему острым историческим видением назвал «Наша Америка».

Боливар, безусловно, понимал надежды и стремления народов Карибского региона. Более того, богатейший опыт революционной борьбы был накоплен им главным образом именно в этом регионе. Мы знаем, например, о его ссылке на Ямайку и о его знаменитом «Письме с Ямайки», написанном в 1815 г., в котором он блестяще излагал свой исторический план освобождения континента, в том числе Кубы и Пуэрто-Рико, отводя им немаловажную роль в предстоящих событиях. Мы знаем также о его заявлениях гаитянскому революционеру Петтиону и о его кличве освободить черных рабов на земле Венесуэлы. Освободитель был до конца предан делу освобождения всей Латинской Америки от колониализма.

В этой связи следует обратить особое внимание на известное письмо с Ямайки, написанное им в Кингстоне 6 сентября 1815 г. Он писал тогда: «Острова

Куба и Пуэрто-Рико с населением около 700—800 тыс. человек являются самыми спокойными из всех испанских владений, так как они изолированы от независимых наций. Но разве жители этих островов не американцы? Разве они не испытывают гнета? Не стремятся к лучшей жизни?» Фактически Боливар призывал к освобождению Кубы и Пуэрто-Рико, так как их народы принадлежат к числу латиноамериканских наций, и на том раннем этапе освободительной борьбы, когда до победы повстанцев было еще далеко, Боливар черпал вдохновение в предвидении конечного триумфа.

Имеются убедительные исторические данные, говорящие о том, что Боливар никогда не оставлял мысли о превращении Кубы и Пуэрто-Рико в свободные суверенные государства.

Не следует забывать о том, что, когда освободительная деятельность Боливара только начиналась, производство в странах Карибского региона было основано на рабовладении. Единственное исключение составляла Республика Гаити, где славная эпопея борьбы с рабством увенчалась достижением независимости. Важным следствием этого явилось то, что одним из условий, на которых президент Гаити Петтион согласился оказывать поддержку Симону Боливару в его борьбе за освобождение Латинской Америки, было обязательство последнего предоставлять свободу всем неграм-рабам на освобождаемых территориях континента.

Боливару также принадлежит идея созыва Великого конгресса, который должен был собраться в Панаме в 1826 г. Задача Конгресса состояла в объединении всех латиноамериканских народов в великую федерацию свободных и суверенных наций. Однако Соединенные Штаты были против незави-

симости Кубы и Пуэрто-Рико и тем самым сорвали осуществление исторического плана Боливара.

Боливар, венесуэльский аристократ, готов был пожертвовать всем во имя освобождения региона, который он называл Южной Америкой и который обладал своими собственными культурными и этническими чертами, отличавшими его от другой Америки — Америки северной. В свете своих идей Освободитель рассматривал и страны Карибского региона, расовая и культурная пестрота которых привлекала внимание всех великих держав того времени. Освобождение Кубы и Пуэрто-Рико входило в великие замыслы Боливара, но их осуществлению помешали силы, превосходившие даже его возможности.

Будучи врагом рабства и принудительного труда, Боливар заложил основы для искоренения этого зла на континенте. Его великий революционный пример проложил путь в будущее как для стран, которые он освободил, так и для тех, которые еще борозлись за свою свободу.

Мысли и действия Симона Боливара изменили ход истории в странах Карибского региона. Но и в наши дни там остаются народы, которым пока не удалось воплотить в жизнь его идеалы. Вот почему спустя двести лет идее Симона Боливара не утратили своей актуальности. Хосе Марти был прав, говоря, что «в Америке Боливару по-прежнему есть чем заняться».

МАНУЭЛЬ МАЛЬДОНАДО-ДЕНИС (Пуэрто-Рико) — профессор факультета социальных наук Университета Пуэрто-Рико. Автор многих трудов о своей стране, и в частности «Puerto Rico, Mito y Realidad» («Пуэрто-Рико: миф и действительность»).

Photo Charles Harbutt © Parimage, Paris

В горниле перемен

Рене Депестр

Карта Карибского моря — это образ, из которого слагаются мечты. На этом перепутье нашей планеты сформировались чрезвычайно многообразные центры человеческой цивилизации со своей гротесковой вычурностью и авантюризмом, магическими обрядами и верованиями, своим эпосом и своим очарованием. Все это находится в тесном взаимопереплетении и одинаково щедро представлено в политической, социальной, религиозной и культурной областях. Пять веков — достаточный срок, чтобы хорошо ознакомиться с семьей народов и культур, переплавленных в этом горниле истории, и научиться выделять их среди других народов и культур Вест-Индии. Их формирование определялось, с одной стороны, разнообразием или же, напротив, соразмерностью материальных и духовных аспектов жизни, развивающейся здесь в условиях колонизации, а с другой — шло в об-

становке яростной борьбы за свободу и за избавление от этих условий.

В течение долгого периода времени наши острова, по которым проходили границы пяти различных держав, оценивались не в силу своих собственных реальностей, а лишь в отношении к Европе, Африке и другим частям Америки. Однако в наши дни можно изучать, интерпретировать и понимать изнутри внутреннюю систему ценностей, присущих нашему обществу. Карибский регион прочно занял свое место на мировой арене со всей своей проблематической исключительностью, своей музыкой, литературой, своим искусством, своими кризисами самобытности и устремленностью к переменам.

Прежде чем встретиться в западном полушарии, эти народы, вовлеченные в процесс колонизации, ничего не знали друг о друге. Это незнание духовных и физических особенностей друг друга способствовало развитию онтологически неверных представлений, что делает типичным ход их истории. Коренные жители островов ничего не знали о европейцах или африканцах; они называли себя араваками, сибоньями, тайно, карибами и были крайне удивлены, когда услышали, что их называют одним общим словом — индейцы!

В скором времени аналогичная семантическая аномалия обрушилась на самосознание народностей йоруба, бамбара, ибо, мандинго, которые жили в Африке к югу от Сахары, в резуль-

тате их депортации в экзистенциальном облике черных, негров или цветных. Одновременно эта тенденция идентификации по признаку расы в рамках одного вида привела к тому, что общим словом белые стали называться люди, имеющие свою собственную этническую специфичность, — испанцы, французы, англичане, голландцы, португальцы и т. д. В условиях американских колоний привилегия носила белую маску. Позор и насилие этого расового антагонизма усугубили непримиримый конфликт между хозяином и рабом, колонистом и туземцем, Просперо и Калибаном.

Начиная с этого времени соматические черты и физические признаки африканцев, европейцев и коренных жителей Карибского региона превратились в социальные признаки, которые служили для идентификации отношений господства и зависимости между завоевателями и их жертвами. Стало обычной практикой проповедовать причинно-следственную связь между цветом кожи и чертами лица различных человеческих групп и конкретными формами их интеграции в природе и обществе. В результате такого сведения социальных и культурных конфликтов колонизации к расовым факторам человеческая сущность лиц, принадлежащих к различным африканским этническим группам, сама оказалась сведенной к абсурдному понятию «природной неполноценности негров», а челове-

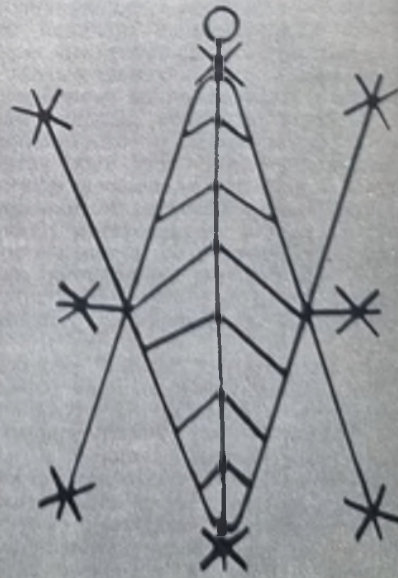
РЕНЕ ДЕПЕСТР (Гаити) — писатель, автор нескольких сборников поэм, эссе и художественной прозы, включая «Un Arc-en-ciel pour l'Occident Chrétien» («Радуга на христианском Западе») и «Poète à Cuba» («Поэт на Кубе»). Участвовал в подготовке двух коллективных работ, выпущенных ЮНЕСКО: «Африка в Латинской Америке» и «Латинская Америка через свои идеи». В настоящее время сотрудник Секретариата ЮНЕСКО.

Photo © Alexis Stroukoff, «Vogue», Paris

Танцы до такой степени характерны для вуду (вуду), религии коренного населения Ганты, что швейцарский антрополог Альфред Метро отнес этот культ к «танцуемым религиям». В обрядах вуду (фото сверху) важная роль принадлежит посвященным, именуемым «хунсис» (слово из западноафриканского языка фон, означающее «жена богов»), которые вместе с жрецами («хунган») и жрицами («мамбо») составляют братство преданных культуры «лоа», или духов. У каждого «лоа» свой отличный ритмический рисунок барабанного боя и свой собственный танец африканского происхождения: бумба, гаьбен, калаида и наго-гран-ку. В ходе танца женщины потряхивают подолами платья в такт музыке. Свойства «лоа» изображаются символическими

узорами — «веве», которые наносятся на земле мукой, пеплом, кофейной гущей или толченым кирпичом. Внизу: три «веве», выполненных в металле. «Сердце без книжала» (слева) — магический знак богини Эрзули-Дантор, царицы красоты и любви, хранительницы семейного очага и пресноводных прудов. К богине Айзан-ла-Гранд («веве» в центре) зывают в начале каждого ритуала вуду. Как и ее муж Атибон-Легба, гантянский владыка перекрестков и развилок дорог, она следит за дверьми, домами, общественными местами и рынками. «Веве» справа олицетворяет «марасса», или близнецов, которые занимают почетное место в вуду и культ которых связан с дождем. Как и другие «лоа», они принадлежат разным африканским народам.

Photos © Archives Snark, Paris. Private collection

чская сущность поселенцев, прибывших из различных стран Европы, оказалась поднятой до не менее абсурдного понятия «естественного превосходства белых». Короче говоря, это было равносильно мифологическому и семиотическому редукционизму, послужив основой для освоения колонистов, которые добровольно оставили Европу, от угрызений совести и одновременно для принижения и деморализации силой привезенных в Карибский регион рабов.

Этому умственному и физическому «отключению» предшествовало «отключение» географическое. Завороженный легендарным Востоком, на поиски которого была снаряжена его экспедиция, Христофор Колумб назвал встреченные им острова Вест-Индией. Но когда речь зашла о том, как назвать все эти «земли, открытые по другую сторону моря-океана», то звезда Америго Веспуччи воссияла ярче звезды испанского адмирала, и потому эти земли были названы Америкой. Все происходило таким образом, как будто бы Европа для осуществления своих грандиозных планов в западном полушарии считала необходимым замаскировать район развертывания своей колониальной деятельности и истинное лицо ее основных участников.

Таким образом, как и другие страны континента, Карибский регион вступил в современную историю под чужим именем. Скрытое под множеством масок человечество в наших местах обрело новое понимание форм, контуров и горизонтов планеты. Смелость Европы позволила собрать урожай богатого опыта в различных областях сельского хозяйства, производства продуктов питания, астрономии, мореходного и военного дела. Европа укрепила свое господство на суше и на море, что позволило достичь значительных успехов в области судоходства, картографии, замера расстояний, течений и ветров.

Экономической основой этого процесса служила система плантаций. Частично плантационную систему уже испытали на острове Сан-Томе португальцы. В результате работорговли на островах Вест-Индии эта система получила исключительно широкое распространение, что привело к значительному увеличению производства сахара, табака, кофе, хлопка, какао, индиги и специй. Более того, «человеческий материал» из Африки позволил международной торговле и механизированной промышленности извлекать максимальные прибыли из таких технических нововведений первой промышленной революции в приложении к плантационной экономике, как паровой двигатель, силовая передача, оригинальные методы смазки, усовершенствование ветряных установок и т. д. За три века своего функционирования в качестве активатора мирового рынка производство плантаций Вест-Индии было одним из основных механизмов накопления капитала и одной из исторических причин научных и культурных успехов Запада.

Для расширения своих успехов Европа в первую очередь попыталась подвергнуть индейскую и африканскую рабочую силу декультурации. Будучи сама местом смешения народов, порожденного преко-латинским и иудейско-христианским симбиозом, Европа опасалась оказаться ввергнутой в процесс такого культурного смешения в странах Америки. Для развития торговли и промышленности ей скорее нужна была армия креп-

ких слуг, нежели оркестр цветных греко-римлян, по-своему интерпретирующих дух предков на холмах Нового Света.

Европейцы, считавшие себя представителями санкционированного свыше политического, социального и культурного порядка, не имели намерения ассимилировать экзотические модели в свое культурное наследие. Они предполагали, что боги народов йоруба, фон, фанти-ашанти и конго будут преданы забвению перед лицом католических святых, ибо все то, что не белое, есть варварское и дикое. Следовательно, потомкам африканцев было предложено забыть свое прошлое, отказаться от своих представлений и своего «я» и молча согласиться на отупление своего сознания и своих чувств.

К счастью, социально-культурный процесс в Карибском регионе пошел по другому пути. Новые народы, выплывшие в горниле Карибского бассейна, не стали верить свою судьбу колониальным державам, стремясь выковать необходимые элементы новой самобытности. Загипавшись в собственных проблемах и оказавшись в ловушке «расового» мифа, они отказывались верить в то, что для перехода от «варварства» к «цивилизации» надо лишь старательно имитировать поведение, искусство и привычки европейцев.

Культурная антропология немало сделала для аккультурации потомков африканцев в соответствии с европейскими моделями и символами. Прежде всего она выдвинула идею «реинтерпретации», согласно которой

«склад ума африканцев» рассматривается как остающийся неизменным в своем отношении к работе, закону, религии, семье и свободе на всем протяжении длительного карибского процесса культурного взаимообогащения.

Это явление требовало определенных исторических компонентов и творческой энергии потомков выходцев как из Африки, так и Европы. Такой культурный вклад рабов оказывал непосредственное воздействие на образ восприятия, входил в самую плоть колонизатора. Таким же образом новшества последнего европеизировали африканское воображение. Это привело к динамическим видоизменениям самобытностей, которые находят прекрасное выражение в концепции «креолизации», наблюдаемой в вест-индских обществах.

Понятие «креолизм» является основным во всем том, что касается познания, трактовки и понимания исторических явлений в Карибском регионе. Африканское и европейское наследие, преобразованное социальным метаболизмом плантационного режима, нашло свое выражение в оригинальных путях мышления, ощущения, действия, воображения. В результате смешения компонентов культуры, унаследованных от двух континентов, с доколумбовым элементом, Карибский регион стал Новым Светом, воображенным нетерпеливым Колумбом в тот момент, когда Европа поспешно примеряла свои маски к истории других континентов. Неповторимость карибского и латиноамериканского мира в целом являет-

Photos © R. Berger, Zurich

В гаитянском вуду Огу, или Огун (в бразильском религиозном ритуале «кандоэле» и в кубинской «сантерии»), это род духов, или божеств («лоа»), в который входят боги-кузнецы. Имя Огу часто встречается вместе с другими (например, именами святых), что отражает синкретизм африканских верований с европейскими и доколумбовыми американскими. На с. 18: жрец со змеей на шее на празднике Огу в Ундо (Нигерия); змея считается одним из наиболее любимых богами животных. Другой гаитянский «лоа» — Чанго (Шанго в Бразилии и на Тринидаде), одно из популярнейших божеств в карибской мифологии. Повелитель бури и громовержец, он без единой царапины выходит из циклонов и наводнений. Одновременно этот бог охраняет фертильность женщин. Слева: сцена праздника Чанго в Эде (Нигерия).

Photo taken from «Chez les Peintres de la Fête du Vaudou en Haïti» by Jean Marie Drot © Skira, Geneva

Слева: работа гаитянского художника, изображающая праздником Агуз-Таройо, владыки моря и островов, пресной воды и рек, прудов и родников. Верующим он часто является в виде рыбы. Среди его символов — небольшое парусное судно, которое часто можно встретить на алтарях «умфоров» (храмов вуду) и которое несут участники процессий во время праздника в его честь.

ся результатом продолжительного скрещивания, которое позволило угнетенным народам утвердить свою самобытность, мало-помалу срывая маски колонизации.

Кто же тогда эти жители Карибского региона, которые так и не поддались греко-латинизации? Что характерно для них в отличие от Европы, Африки, других регионов Америки и остальных стран мира?

Сегодня легче охарактеризовать условия наших обществ, чем в 1815 г., когда в глазах Симона Боливара такая попытка представлялась «одно- временно из ряда вон выходящей и

Бог-землепашец Зака верхом на лошади на фоне фантастического пейзажа в изображении гаитянского художника Эдуарда Дювала. И Зака, род которого играет важную роль в мифологии вуду, и его конь смотрят на нас с одинаковым мечтательно-насмешливым выражением, в котором проглядывает самоуверенность, чуть ли не вызов. Этот всадник символизирует надежды, истины и мистерии, которые питают гаитянскую культуру, корящуюся в истории страны и воплощаемую в художественных и литературных произведениях, в которых фантазия и реальность сливаются воедино.

Photo © Alexia Stoukoff, «Vogue», Paris

La Jungla (1943), работа кубинского художника Вифредо Лама (с. 23). Это известное произведение по праву считается типичным выражением антильской восприимчивости в изобразительном искусстве. Лам, который был тесно связан с Пикассо и сюрреализмом, передал в этой картине карибское видение мира и бытия. В массе растительных форм четко проступает с детства знакомый Ламу кубинский пейзаж — плантация сахарного тростника. Цвета и формы, напоминающие флору многих Антильских островов, роднят эту картину с тропическим обликом Карибского бассейна (с. 22). Но важнее в картине не рассказ о природе, а тот свет, который она проливает на сложные переплетения, характерные для культуры Кубы и Антильских островов в целом. Своими четырьмя таинственными фигурами она напоминает о мифическом мире синкретических кубинских верований. В этом анимистском неистовстве, в ржавичине листьев и цветов — животрепещущее присутствие Чанго. Однако эта работа не только несет специфическое антильское содержание, но и воспринимается как первое произведение изобразительных искусств развивающегося мира, который уже познал насущную необходимость слияния всех мировых культур для совместного использования в качестве общего наследия.

Photo © Yvette Vincent Alleaume, Paris

Photo © Museum of Modern Art, New York

Яркая палитра цветов, броское изобилие и света рынка в Мирагоане (Гаити) — обычное явление для Карибского бассейна, которое можно встретить на любом острове. Парусные суда напоминают о вездесущем море — самой сути карибской истории.

Photo Michael Friedel © Rapho, Paris

сложной». С тех пор сами народы решили покончить с перекраиванием их истории, осуществляемым под непрекращающимися ударами колониальной шпата. Они искали (а некоторые и находили) адекватные ответы на конфликты самобытности, с которыми коренные жители Карибского региона сталкивались со времени борьбы за освобождение, которую вели такие люди, как Туссен-Лувертюр, Симон Боливар, Хосе Марти, Маркус Гарви и Перальте.

Сегодня в распоряжении ученых Карибского региона имеется новая методика, позволяющая заново оценить историю наших обществ. Новые концептуальные рамки позволяют нам избежать этноцентризма, который состоит в сведении всех размышлений к прошлым априорным суждениям, содержащимся в идеологических течениях колонизации. Цепкие «расовые» предубеждения, которые так отягощали концепции антропологии и историографии, теряют свою привлекательность благодаря междисциплинарным исследованиям, которые позволяют всеобъемлюще понять чрезвычайно сложные историко-культурные процессы, объясняющие как удивительное многообразие, так и бесспорное единство культур Карибского бассейна.

Гораздо больше стало сейчас известно об истории антиколониальной борьбы, в которой с 1519 г. до конца XIX в. участвовали многие поколения негров-маронов (которых иногда также называют марунами). Работы, посвященные республикам маронов, разрушили миф о покорности и смиренности, якобы характерных для африканских рабов. Исследователи отмечают, что присутствие маронов не только представляло собой социальное и политическое явление, но также свидетельствовало о духовной активности, которая позволяла рабам на американских плантациях создавать для себя новые ценности в таких областях, как религия, магические обряды, музыка, танцы, народная медицина, креольский язык, кухня, фольклор, взаимоотношения между мужчиной и женщиной, семья, во многих других сферах социальной жизни.

В поисках нового экзистенциального базиса своей самобытности рабы Карибского региона взяли под контроль и придали новое направление динамизму, заложенному в самих «тяготах положения негров», и тем самым выработали в себе универсальное чувство свободы. Они находили в этом процессе ответы на кризисные ситуации, которые угрожали притулить или полностью усыпить их социальную сознательность и восприимчивость. Подобно своим предшественникам в Римской империи, они выдумали свою собственную защитную религию, вооружив ее символическими и мифологическими построениями, соответствующими неудовлетворенным устремлениям этих крайне униженных и угнетенных людей.

Это культурное влияние маронов по-разному сказывалось на различных областях жизни и культуры. Не везде язык хозяев был проникнут влиянием маронов, хотя африканские языки оказали весьма реальное воздействие на испанский и португальский языки в Америке. За исключением креольских языков Гаити, Мартиники и Гваделупы, «пальмента» Кюрасао и Арубы, а также вест-индских и гаитянских жаргонов типа «пиджин», влияние маронов на европейские языки не получило распространения.

Аналогичным образом исчезли юридические традиции Западной Африки наряду с политико-экономическим образом мышления, свойственным доколониальным обществам Африканского континента. Такие виды деятельности, как обработка железа и ткачество, а в области искусства — резьба статуи, скульптур из дерева и слоновой кости и другие формы выражения африканского гения, были выпущены из поля зрения вследствие «сутубо социально-экономической восприимчивости» колониальной Америки.

Недостаточным было историческое воздействие деятельности маронов и для того, чтобы полностью изгнать дух «яди Тома», комплекс «негра» и комплекс неполноценности, подражательную этику, формы социальной амбивалентности, временами характерные для манеры поведения жителей Карибского региона.

Конечно, исчезли со сцены работников, но даже в сегодняшней период активной деколонизации некоторые «элиты», к сожалению, заняты имитацией — с трагическими результатами — институциональных моделей старых и новых империй, пародированием процессов мышления, полностью противоположных специфическому мировоззрению тех, кто живет на наших островах.

Тем не менее факты таковы: общее обновление мысли и восприимчивости берет верх над явлениями колониального рецидива. Память и воображение заняты поиском новых функций культурного наследия, которое наши народы стремятся сделать элементом своей повседневной жизни и работы, своих самых сокровенных мечтаний.

Карибский бассейн, который в мантийском видении истории — земля в огне, окруженная кипящим морем, переживает новый период своей истории. Архипелаг наконец получил возможность обрести свою самобытность, ему во всей его совокупности есть что выразить, и он делает это очень энергично, в каждой области мысли и действий. И действительно, исторические, экологические, социальные, игровые, политические и религиозные факторы часто приобретают эпический характер как в жизни, так и в культурных областях.

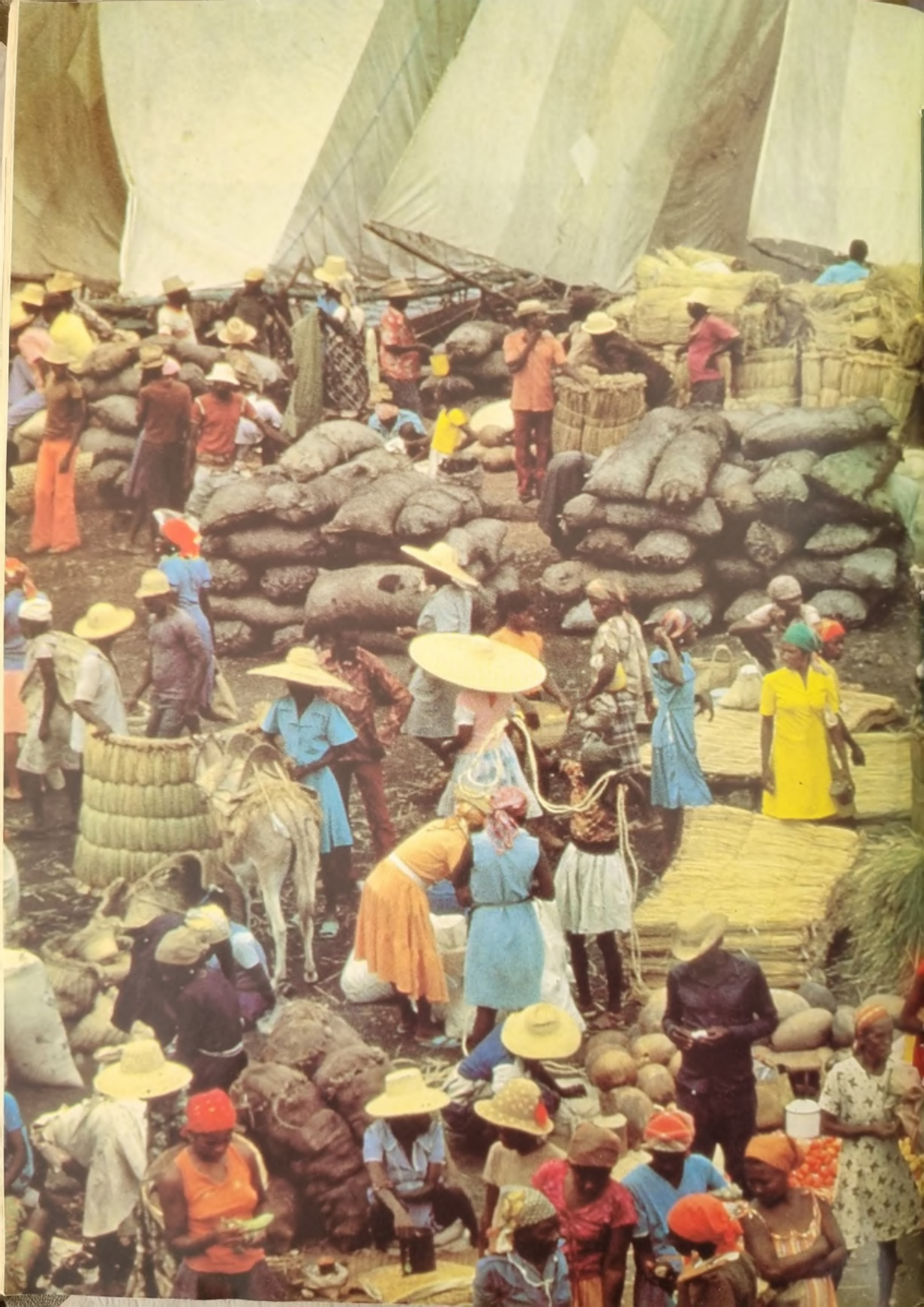
Что же касается литературного и художественного творчества стран Карибского бассейна, то оно характеризуется восприимчивостью — дионисийской, солнечной и мечтательной, гармонично сочетающей плутовской реализм с популярным сюрреализмом. Между человеком и его карибским окружением существует опромная пропасть: стихийная радость жизни (несмотря на все ее социальные неурядицы) существует рядом с почти чувственным наслаждением, которое доставляет гармония звуков, цветов и форм. И тут, несколько принижая роли литературы и пластического искусства, надо отметить, что музыка занимает в Карибском регионе ведущее место в эстетическом восприятии жизни.

Карибский лук когда-нибудь прорвет последнюю сторону тирогольникова, замыкаемого пока что колониальной коммерцией, и во все стороны, где звучит голос дружбы, полетят мирные стрелы музыки, искусства, литературы и поэзии. Тогда мир поймет, что неурядицы исторического характера можно исправить, создав здравую действительность, отражающую мир мечтаний и мир реалий нашего общества.

„НАШИ КАРИБЫ“

Мэрион Патрик Джонс

Море плещет у подножия утеса, как и сотни лет назад. Это место на острове Гренада называется Сотере («Прыгуны») — здесь бросились в море индейцы, прижатые к обрыву европейскими завоевателями.

Невоспетыми остаются отчаянные битвы карибов, араваков, которых нарекли индейцами. Вырубленные ими изображения в камне поглотило море, их керамику собирают лишь эпизодически. Остались лишь названия: Ямайка, Чакачар, Напарима. Правда, живущие на Тринидаде потомки карибов, араваков и неимущих испанцев донесли до наших дней кукурузу, блюда из кассавы, гитару, пляски и пение во время паранга¹, вихри касиен². Ничто не говорит о массовом неприятии рабства у утеса Сотере или о восстании против завоевателей на Тринидаде. Более того, большинство жителей острова до сих пор вспоминают о восстании как о «мученической гибели» священников, т. е. как о туземной дикости.

И это не случайно. Историография — это отбор фактов, который далеко не всегда ведется в соответствии с их действительной исторической значимостью, а нередко руководствуется современными тенденциями. Для англоговорящих районов Карибского региона характерно то, что даже после достижения независимости отбор этот осуществляется не внутри, а в основном извне. Это не просто колониальный или неоколониальный отбор. И левые, и правые здесь рассматривают Карибский регион в основном как арену проявления внешней расовой политики и амбиций.

Популярностью здесь пользуются те, кто сумел завоевать себе имя среди черных в других странах. Единственный способ добиться известности в области культуры — это издаваться за границей, давать интервью за границей, устраивать персональные выставки за границей. И все же кумирами тринидадцев в искусстве танца являются Берил Мак-Берни и ее «Литл кэриб», а в музыке — Элли Манетт и Спри Саймонз. На Ямайке нет равнодушных к скульптурам Эдны Мэнли или к песням Луизы Беннетт. На Багамах помнят мелодии Меты Камбербэтч. Все они упорно трудились на своей земле, чтобы карибские страны стали тем, чем они являются сегодня. Они были из числа тех, кто не терял веры в страны, у которых, казалось, не было будущего.

Прелестные дома на островах с тонкой резьбой по дереву, застекленными оконцами и изящными жалюзи разрушаются на глазах, а на их месте вырастают современные желтые строения из бетона; исключение составляют лишь «большие дома» на Ямайке и в Гайане. Ибо что значит кропотливое искусство бедняков в сравнении с традицией черной аристократии, традицией, предназначенной главным образом для внешнего представления. Это напоминает о том, как некогда плантаторы создавали свою собственную ми-

фологию белого аристократического прошлого. Это новая традиция — ни черных, ни белых. Это часть «ост-индской» традиции в Карибском регионе, корни которой следует искать в высококордонном брахманстве. Что нам братья-романисты Нейпол! Крестьянин Орихи — вот он из наших!

Многие слышали о Дж. Дж. Томасе, хотя он еще в 1869 г. составил грамматику креольского языка, «говора», сложившегося под сильным влиянием английского. Его труд «Фрудасити» (1889) заложил основу для развития исторической науки в Карибском регионе, оказав влияние, в частности на Эрика Уильямса, К. Л. Р. Джеймса, Э. Бретуэйта и Уолтера Родни. Дж. Дж. Томас родился в 1840 г., через два года после окончательного упразднения рабства в Британской Вест-Индии.

«Фрудасити — вест-индские басни с пояснениями» — это своего рода ответ на работу англичанина Джеймса Энтони Фруда «Английский язык в Вест-Индии» (1888). Няня, предводительницу маронов, помнят сейчас на Ямайке как женщину, которая возглавила борьбу рабов против британских поселенцев и которую не брали пули, однако она еще не обрела того признания за границей, какое ей принес бы ее талант военачальницы, если бы она родилась, например, во Франции, как Жанна д'Арк.

Такая ориентация на заграничную публику призывает все общество. Карибскую историю необходимо поставить на равную основу с европейской, рассматривать ее как источник накопления знаний. Частично все это проистекает из нестабильности тех стран, история которых связана с мифом о естественности европейского господства. Оппозиция этому часто выражалась в принятии того, что враждебно идеологии такого господства. Поскольку высокая культура Европы была реальным фактором превосходства, ответ на это виделся в не менее высокоразвитых культурах Индии и Африки, а эти континенты рассматривались как источники реальной оппозиции Европе.

Идеализация «заграничных», реальные и весьма сложные проблемы малых стран, высокий процент эмиграции в «белые», промышленно развитые страны, опасения зарождающейся буржуазии выглядеть нереспектабельно — вот факторы, которые постоянно мешали нашей исторической науке подняться над уровнем преданий и фольклора.

Это — наша история, это — наша культура, они создавались в борьбе, которая протекала в основном внутри региона и была преимущественно народной борьбой, зарождавшаяся в трущобах и рабочих бараках, на плантациях и мелких фермах. Как и везде, эта борьба велась отнюдь не только между рабами, но и между рабами и свободными, между разными классами, между людьми разного положения в обществе. И хотя мароны обрели себя в результате войн, которые они вели с 1655 по 1880 г., в результате того, что они смогли навязать англичанам договор, гарантирующий им свободу от рабства,

ЦВЕТНЫЕ ВКЛАДКИ

Стр. 26

Ванны правильных геометрических форм для выпаривания соли на острове Бонайре. Вместе с Арубой и Кюрасао Бонайре является одним из наиболее крупных Нидерландских Антильских Островов, жители которых говорят на «папаяменто» — языке, сложившемся в колониальный период.

Photo Michael Friedel © Rapho, Paris

Стр. 27

Сахар и табак, ведущие виды продукции старой плантационной системы, и по сей день остаются основой экономики Карибского региона. Вверху: развалины заброшенного сахарного заводика на острове Тобаго как бы символизируют распад старого мира плантаций. Оборудование, завезенное из Глазго в 1857 г., затягивает буйная тропическая растительность. Сегодня на сахарных заводах используют самую современную технику. Внизу: посадка табака на Кубе — родине знаменитых гаванских сигар.

Photo Michael Friedel © Rapho, Paris

Стр. 28

Роскошные карнавалы празднования в странах Карибского региона породили яркие маски, чучела, другие оригинальные формы искусства, в основе которых немало африканских традиций и которые во многом являются непревзойденными. Вверху слева и внизу: знаменитый карнавал на Тринидаде. Вверху справа: работа кубинского художника Рене Портокарреро «Дьяблито». Так называют рожених танцоров, группы которых участвуют в некоторых церемониях кубинской «сантерии». В них прослеживается удивительная связь с карнавальными персонажами — порождениями того же фантастического мира.

Photo M. Moinsard © Explorer, Paris

Photo Michael Friedel © Rapho, Paris

Photo © Miguel Rojas Mix, Paris
Private collection, Havana

(1) Паранг — рождественские празднования, во время которых исполняются песни характерного ритма. Их поют на испанском языке в сопровождении гитары.

(2) Касиен — мелодия старинного испанского вальса, до сих пор бытующая на Тринидаде и в Венесуэле.

МЭРИОН ПАТРИК ДЖОНС (Тринидад и Тобаго) — писатель и антрополог. Среди ее опубликованных работ «Pan Beat», «J'ouvert Morning».

Photo P. Leclair, Unesco

губернатор Эдвард Эйр сумел использовать их для подавления в интересах Британии восстания 1865 г., связанного с именами Джорджа Уильямса Гордона и Пола Богла, целью которого было улучшение парламентского представительства на Ямайке. Позднее и Гордон, и Богл были казнены колониальными властями за «подрывную деятельность».

Борьба конца XIX в. была элементом общего брожения, которое на Тринидаде в области культуры олицетворял собором Дж. Дж. Томас. История хранилась именно в народной культуре, а недовольство получало свое политическое выражение. И именно из этого возникло то, что мы называем культурой элиты. И то, и другое являлось частью политической борьбы за автономию, за права профсоюзов и в конечном счете — за независимость. Это никогда не было лишь борьбой против расового превосходства или за интеграцию, хотя расизм и является важным элементом колониального господства. Забывать о взаимосвязи между народной культурой и политикой, о накале политической жизни — это значит не понимать характер общества англоговорящих районов Карибского региона.

20-е и 30-е гг. нашего века — это годы полетов Альфа Кадало, которые он населил мифическими существами в облике простых людей с факелами в тесных двориках старых рабочих барачков. Нищета, характерная для колониального режима, стала почвой, на которой выросло прекрасное. В то же время Киприани³ отражал покушения колониализма на немногие оставшиеся области автономии. Альфред Ричардс⁴ организовал профсоюз докеров, ежегодно подавались петиции о сохранении народных карнавалов и шествий с «тазиями» — искусно сделанными из бумаги и бамбука небольшими храмами во время мусульманского праздника Хозеа на улице Сент-Джеймс.

Сейчас все это кажется просто, но тогда... Вспомним, что деятельность всех этих лиц протекала на фоне таких событий, как, например, сожжение жителями Порт-оф-Спейна Центрального административного здания во время восстания против налога на воду — знаменитых Волнений у Красного до-

ма. Они сплывали трудящихся, безработных и немущих в борьбе против британского правления, за решение такой важной задачи, как завоевание прав на создание профсоюзов.

К концу 30-х гг. недовольство рабочего класса вылилось в целый ряд политических выступлений: забастовка на сахарных плантациях Сен-Китса в 1935 г., восстание против таможенных пошлин на Сент-Винсенте и забастовка угольщиков Сент-Люсии в том же году; забастовка солидарности на Барбадосе под руководством Пейна в 1937 г., которая стала крупным выступлением рабочих, восстание на сахарных плантациях в Британской Гвиане в 1937 г., забастовка докеров на Ямайке в 1938 г. На Тринидаде в качестве руководителя рабочего движения выдвинулась Уриа База Батлер. Забастовка на Ямайке выдвинула двух руководителей — Нормана Мэнли и Александра Бустаманте (оба впоследствии были премьер-министрами своей страны). Не забудем и о многих стойких и мужественных женщинах, которые приносили забастовщикам еду и без которых забастовки не имели бы успеха.

Никто из этих местных деятелей не получил известности за пределами Карибского региона. Гордона отвергли традиции буржуазной революции, хотя его призывы были созвучны призывам Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона. Сторонников левых убеждений настоятельно пытались создания социалистической организации, а также первомайские демонстрации трудящихся, которые связаны на Тринидаде с именами Ричардса, Ачонга и Джонса.

В этот же период наблюдается расцвет культуры. Он во многом сходен с тем, который в годы войны породил в порт-оф-спейнских трущобах «оркестр железок». Музыка «оркестра железок» — творение бедняков, ритмы ее поначалу выстукивались на краденых крышках от мусорных ящиков и, к ужасу тринидадских буржуа, сопровождались схватки между шайками, выливавшиеся не так давно в жестокие драки. В послевоенные годы ей суждено было стать национальной музыкой.

Этот процесс является также частью истории культуры англоговорящих стран Карибского региона. Элементы национальной культуры, созданные бедняками — будь то танцы, песни, музыка или кухня, — сначала встречают противодействие элиты, а затем принимаются ею. Песенно-танцевальная форма «регги» — ямайского происхождения. Рикс Неттлфорд адаптирует народный танец, Сильвия Винтер пишет свои прекрасные пьесы на мимику Джона Канноу, и настоящей жемчужиной сверкает творение Эррола Джона «Луна на радужной шали».

И так не только в области музыки, песни, танца. Открытие вируса бешенства Паваном относится к 20—30-м гг. Деятельность У. Артура Льюиса в области экономики и М. Дж. Смита в области социальной антропологии нельзя рассматривать вне проблем общества, вне борьбы за право самим определять свое будущее. Их судьбы органически связаны с борьбой за независимость в 40-х и 50-х гг. Их слабые и сильные стороны имеют одни корни.

А те, кто вел нас к независимости? Они тоже сражались при малых шансах на успех. Возьмем, к примеру, Эрика Уильямса⁵, автора известного исторического труда «Капитализм и рабство». Когда в 1949—1950 гг. он читал лекции по истории в Публичной библиотеке Тринидада, зал был переполнен. Игнаций из Карибской комиссии за «благоволение к неграм Карибского региона», он «налил душу» в ряде публичных выступлений на площади Вудфорд-сквер. Именно эти выступления заставили народ Тринидада и Тобаго прийти к выводу, что решить проблемы и конфликты, разъедающие всю общественную жизнь, может только независимость. Да, у нас была пустая казна; да, тогда нас было гораздо меньше миллиона, но большинство из нас были сыты по горло.

Движение за независимость, а также сопутствующий вопрос об американских базах были сложны сами по себе. Некоторые вполне определенные слои населения противились независимости, опасаясь лишиться кое-каких привилегий. Это стремление к независимости под руководством Мэнли и Бустаманте было особенно ярко выражено на Ямайке, где оно возникло непосредственно из профсоюзного движения и забастовок 30-х гг. В Британской Гвиане борьбу за независимость возглавляли Форбе Бернхем и Чедди Джаган, на Барбадосе — Грантли Адамс. Именно этот порыв сокрушил «Бэй-стрит бойз»⁶ на Багамских островах.

Считать борьбу за независимость завершенной было бы преждевременно. Борьба за право формировать свою историю в соответствии с нашими собственными реалиями и за признание этого права еще не окончена. Провозглашение независимости, начавшееся в 60-х гг. и продолжающее свое шествие по региону, не является ни началом этого процесса, ни его концом.

Мы создадим свою собственную историю и наш язык: горный ямайский, бэйджан-бэрт⁷, стандартный вест-индский. Это, по словам одного из исполнителей калипсо, «наша земля, земля наших дедов и земля наших будущих детей».

Пусть нас и всех тех, кто после нас придет в этот мир, хоронят у подножия голубых гор, под тихими звездами карибской ночи. Ибо горы, звезды и море хранят души сражавшихся предков — наших предков.

(3) Капитан Киприани — тринидадец карибского происхождения. Участвовал в первой мировой войне, после возвращения на родину боролся за автономию, против засилья белых. Неоднократно избирался мэром Порт-оф-Спейна. Один из наиболее выдающихся героев Тринидада.

(4) Альфред Ричардс — соратник Киприани, вел борьбу за улучшение условий труда лиц, работающих по контракту, за создание профсоюзов.

(5) Эрик Юстас Уильямс — специалист по истории и экономике, проанализировал взаимосвязь между свободной торговлей и упразднением рабства. Был самым молодым профессором Говардского университета в Вашингтоне и членом Карибской комиссии со штаб-квартирой в Порт-оф-Спейне. Основатель Народного национального движения и борец за независимость Тринидада и Тобаго. Умер в 1981 г.

(6) «Бэй-стрит бойз» («Парни с Портовой улицы») — группа дельцов британского происхождения, контролировавших торговлю на Бэй-стрит. Эта группа в течение долгого времени доминировала в политической жизни Багамских островов, отстраняя от участия в ней большинство черного населения.

(7) Вэйджан-бэрт — местное название диалекта на Барбадосе, жители которого говорят с характерным акцентом.

Эме Сезер

Где дом мой? Где он?
В нанесенной мне обиде.
В воображаемых, придуманных мной предках.
Себе пристанище я найду нередко
В своих желаньях смутных. Вот моя обитель.
Моя обитель в затаившемся молчаньи
И в затаившемся на триста лет походе,
В ударах льдин, кружащих в ледоходе,
И в нескончаемых, из века в век, скитаньях.
Где дом мой? В жажде. Чем ее вы утолите?
Мой дом стоит меж почкой и побегом.
В церквах заброшенных я обожусь ночлегом.
Я никому не нужен. Вот моя обитель.
Моя обитель в жгучем лавовом расплаве,
Не в ручейке его — в бушующих потоках,
Все на пути своем сжигающих жестоко,
В испепеляющей дома господни лаве.
Я приспособиться стремлюсь к цепи событий,
К абсурдной этой ипостаси... рая?... сада?
Он обращен в ничто и стал отратней ада.
В одной из язв я найду себе обитель.
Я адреса свои меняю воровато,
Чуть задержусь, как мне сжимает сердце страхом.
То я таюсь в клубке огня,
То в груди праха,
В останках звезд,
Меня извергнувших когда-то.
Я остаюсь средь слов своих. Не всяк их слышит.
Слова — мой хлеб и клад. Я им владею тайно.
Моя обитель — некий мозг необычайный,

Но прячусь я в своей мельчайшей из мыслишек.
Еще я прячусь в заклинанья первых строфат,
Но только в первых — остальные позабыты.
Моя обитель — мир, сорвавшийся с орбиты,
Мгновенья первые великой катастрофы.
А чаще дом мой — в источившейся вершине
И в облаках, что к ней прикикли, как к волчице,
К ее груди иссохшей. Я привык ютиться
То в нимбе над челом у кактуса в пустыне,
То в стаде коз, бредущих тихо по дорогам...
Так где ж мой дом? В морях?
Воистину не знаю!
Я силой в норы осьминожки проникаю,
Переплетаясь в дикой схватке с осьминогом.
О восьминогий мой собрат! Страхну с тебя я
Густые пряди этих водорослей грубых,
Они цепляются за щупальца упруго
И руки туго мне с упрямством обвивают.
Не все ль равно?
Пусть вал меня закружит где-то,
Пусть солнце кожу мне сожжет лучами злыми,
А ветер будет бить ударами своими
По согбенной спине небытия поэта;
Не груз прожитых лет, а груз, влачимый миром,
Страданья мне несет и болью жжет мне нервы.
Пусть даже боль порой из слов родит шедевры —
Я весь, как дом, заполнен болью нестерпимой.

ЭМЕ СЕЗЕР (Мартиника) — поэт и драматург. Мэр Форт-де-Франса, депутат Национального собрания Франции. Считается одним из крупнейших современных поэтов, пишущих на французском языке. Настоящее стихотворение ранее не публиковалось. На русском языке оно дано в переводе Ю. Ильина.

Орчис: пионер карибских исследований

Лисандро Отеро

18 июля 1981 г. отмечалось 100-летие со дня рождения Фернандо Ортиса, которого по праву называют третьим открывателем Кубы (после Колумба и Гумбольдта), поскольку его труды, глубоко научные и аналитические по своему характеру, послужили одним из основных факторов формирования национальной самобытности Кубы.

Орчис одним из первых подметил смешанный характер нашей культуры и указал на различные источники ее происхождения, а также на синкретический характер некоторых наших народных верований.

В 1942 г. он признался, что уже 40 лет интересуется проблемами социологии, которая тогда была относительно новой областью науки, и стал заниматься проблемами Кубы. «Сразу же передо мной в полный рост встал образ кубинского негра. И это было вполне естественно, ибо без негров Куба не была бы Кубой». Он начал изучать негритянское население как неотъемлемый ингредиент национальной самобытности, и сразу же столкнулся с целым рядом трудностей и предрассудков. Вопрос этот изучен был мало, а интерес вызывал в того меньший. У некоторых он пробуждал угрызения совести, другим напоминал о грехах прошлого. К тому же работа эта требовала больших усилий.

Фернандо Орчису принадлежат следующие слова: «Открыто говорить о негритянском населении было опасно, и приходилось действовать в обход. Даже сами негры и особенно мулаты, видимо, хотели забыть о своей расовой принадлежности и не вспоминать о тех муках и страданиях, которые выпали на их долю, — ровно прокаженные, желающие спрятать от чужих глаз свои ужасные язвы...»

В то время, в начале XX в., в первые годы существования Кубинской Республики, ее средние слои стремились к собственной идеализации и копировали мысли и поведение иностранцев. Орчис первым продемонстрировал су-

губо научный подход, необходимый для определения подлинных источников этого явления, и нашел в себе смелость заявить о своих выводах вслух. Его основной вклад в развитие кубинской культуры заключался в понимании гибридного характера наших национальных корней.

В своих исследованиях Орчис затрагивал самые различные аспекты кубинской культуры. Начав свою научную карьеру в качестве юриста-криминалиста, он затем занялся социологией, а еще позднее — археологией, историей, филологией, антропологией, музыковедением и этнографией. Орчис показал нам динамику взаимосвязей между различными элементами социальной жизни Кубы. В течение семидесяти лет он исследовал, анализировал и классифицировал новые направления развития негритянской культуры на Кубе под влиянием расцветавших цивилизаций Африканского континента.

Одной из первых трудностей, с которыми столкнулся Орчис в своей работе, было отсутствие необходимой научной методологии для решения стоящей перед ним задачи: у него не было предшественников, а изучаемые им явления не имели даже необходимой научной терминологии. Орчису принадлежат такие термины, как «афрокубинец», который теперь получил широкое распространение, а также «транскультурация», что означает симбиоз культур. Работа по изучению кубинских бытовых реалий поставила его перед необходимостью заняться лингвистикой. В 1923 г. он создал «Словарь кубанизмов», который содержит 1500 чисто кубинских слов и выражений.

Однако его самой известной работой считается «Табак и сахар: кубинский контрапункт», которая содержит не только глубокий анализ исторического развития экономики страны, но и лучшие в нашей литературе страницы, где диалектически противопоставляются друг другу как два противоположных по своему духу абстрактных понятия: белый сахар и коричневый табак, слад-

кое и горькое, еда и яд, энергия и мечта, плоть и дух, дождь и земля, солнце и луна, день и ночь, вода и пламень. Сочетание в этой работе богатого воображения с множеством документальных научных данных позволяет считать ее одним из выдающихся явлений кубинской культуры.

Перу Орчиса-этнографа принадлежит работа «Описание рас», которая была опубликована в 1946 г., сразу после того, как человечество покорило с ужасами фашизма и его псевдонаучными теориями о превосходстве арийской расы, которой якобы суждено повелевать, и о неполноценности семитских народов, которым уготована роль рабов. В своей работе Орчис камня на камне не оставил от подобных утверждений. Однако Орчис был больше чем просто ученым; он был также организатором политики в области культуры. Он участвовал в создании нескольких институтов, журналов и издательств, хотя его эпоха и не благоприятствовала таким начинаниям.

Интерес Орчиса к проблеме африканского влияния на Латинскую Америку заставил его приступить к глубокому аналитическому исследованию основного района, где культурные элементы африканского происхождения встречались в наиболее концентрированном виде, — района Карибского моря. И в этой области Фернандо Орчис стал основоположником страноведческих исследований не только на Кубе, но и во всем Карибском регионе.

В этот юбилейный год кубинцы отдадут дань многогранному, блистательному и глубочайшему характеру работ Фернандо Орчиса. Его труды имеют огромное значение для Латинской Америки.

ЛИСАНДРО ОТЕРО (Куба) — писатель, директор Центра карибских исследований при «Каса де лас Америкас» в Гавае. К числу его романов, переведенных на несколько языков, относятся «La Situación» («Так было») и «General a Caballo» («Генерал на коне»).

Новая цивилизация, рожденная в борьбе противоречий

Эдуард Глиссан

Photo © Société de Géographie, Paris

На первый взгляд представляется невозможным очертить границы и определить внутренний состав культурного и географического региона, известного под названием Карибский. Состоит ли он из одних островов? Или же его следует рассматривать в более широком плане, включая все три Гайаны, которые расположены на континенте, и Панаму, население которой частично составляют выходцы с Антильских островов? Сильно тяготеет к Карибскому региону и Венесуэла. Мексика регулярно участвует в проведении традиционного ныне фестиваля «Карифеста», который в 1972 г. праздновался в Гайане, в 1976 г. — на Ямайке, в 1979 г. — на Кубе и в 1981 г. — на Барбадосе. Креольские традиции все еще пробуждают ностальгические воспоминания у жителей Луизианы. С другой стороны, некоторые из островных государств, такие, например, как Доминиканская Республика и Куба, сильно напоминают Латинскую Америку. В регионе четыре официальных европейских языка (английский, голландский, испанский и французский) и по крайней мере пять вариантов креольского. Что же представляет собой понятие карибской общности, частично захватывающей Северную и Южную Америку и не вмещающейся ни в какие конкретные лингвистические, политические и этнические рамки?

Ответ, который постепенно вырисовывается, состоит в том, что этот элемент неопределенности и является признаком высокого духовного богатства карибской цивилизации. Или, скорее, эта неопределенность коренится в сознании тех, кто подходит к региону со старой меркой, рассматривает его, исходя из устаревших шаблонов, применявшихся к оценке новых наций странами Запада и в других местах еще несколько веков тому назад. Весь Карибский регион — это бурлящий котел противоречий, от взаимодействия которых рождается нечто новое и которые в силу этого заслуживают самого пристального внимания.

Было бы, например, наивно утверждать, что все началось с Христофора Колумба. В результате так называемого «открытия» лишь выявился субстрат, т. е. та самая почва, в которой проявлялось влияние самобытной духовной и материальной культуры араваков и карибов, коренных обитателей региона, позднее истребленных колонизаторами, на культуру завоевателей.

Нельзя не учитывать те исторические условия, в которых начал складываться новый культурный регион еще в период колонизации и которые отражали смещение культур и народов, специфику их отношений, что в совокупности вело к формированию новой человеческой общности. Однако это взаимосмещение не означало пассивного восприятия навязываемых ценностей.

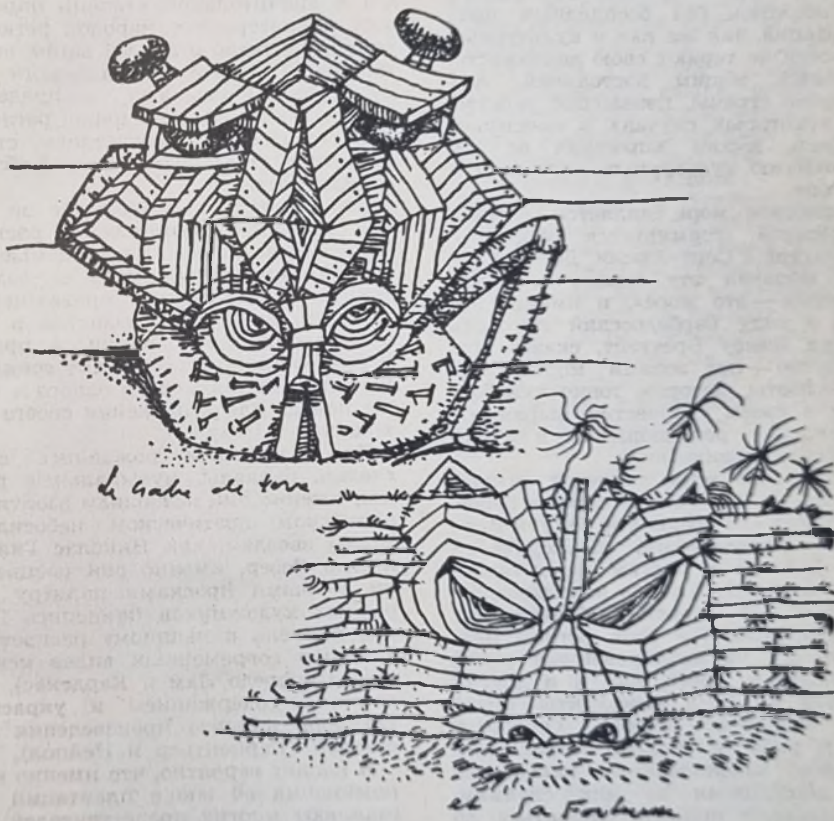
Было бы в равной степени ошибочно недооценивать всю важность по-

следствий заселения Антильских островов африканцами (начавшегося с работорговли) или лелеять иллюзии, будто этот регион стал верной копией Африки. Этого не произошло не только из-за притока индийцев для работы на плантациях, оставленных освобожденными африканскими рабами, и не только из-за влияния Запада, а потому, что взаимодействие этих народов породило нечто иное — новые культуры, новую цивилизацию.

И наконец, было бы необоснованно делать вывод о неоднородности проживающего там населения, лишь исходя из их языкового разнообразия, которое в прошлом было навязано извне или сложилось в ходе этого процесса. Сегодня Антильские острова являют собой пример цивилизации, находящейся в творческом подъеме, развивающейся на волне многоязычия; да, языки остаются национальными (например, испанский на Кубе или английский на Тринида-

Задумчиво смотрю на темный плод «анибы» в его морщинистой, иссохшей кожуре... Увы! Прожорливые крабы погубили все дерево, богатое плодами. Другое дерево прежде сыпало цветами, а ныне — только шрамы на коре. А третье дерево — лишь трость его рукою (так призывают обратиться в слух), как закружатся над твоею головою цветные пятна мириадов мух!

Сен-Жон Перс
Элегия IV

Drawing taken from «Martinique Charmeuse du Serpents» by André Breton © Jean-Jacques Pauvert, ADAGP, 1981

Мир животных и растительный мир почти неразграничмы в представлении французского художника Андре Массона, творчество которого посвящено Антильским островам. Невообразимо загадочный густой шатер лиан, оплетающих деревья в непроходимом лесу, кишит дикийными тварями. «Краб и его крепость» на рисунке Массона (вверху) словно бы возникли в деревянном панцире из первобытной земной тверди. Деревянными изображены и обитатели подземного мира, сквозь них прорастают сухие корни, которые, устремляясь вверх, вдруг превращаются в кокосовые пальмы, мятущиеся под порывами ветра. Однако жители островов умеют «взять крепость» этого краба: на празднествах по берегам далеких рек его сочное мясо приносится в жертву богам.

ЭДУАРД ГЛИССАН (Мартиника) — писатель, автор многих поэтических сборников, романов и эссе, в том числе «Le Sel Noir», «La Lézarde», «La Case du Commandeur», «L'Intention Poétique», «Le Discours Antillais». Автор пьесы «Monsieur Toussaint». В 1967 г. основал Институт martinиканских исследований в Форт-де-Франсе. В настоящее время сотрудник Секретариата ЮНЕСКО.

де), но их употребление и в недалеком будущем — их смешение являются сугубо антильскими.

Эти «стихийные» противоречия порождают многие конфликты, а также и многие иллюзии и идеологические посылки. Необходимость национального строительства в каждой стране, с одной стороны, и серьезные социально-классовые противоречия — с другой, не позволяют однозначно ответить на вопрос о дальнейших перспективах развития этих стран, трудность положения которых усугубляется необходимостью утверждать или отстаивать культурные ценности, являющиеся зачастую неотделимыми от их этнических корней, и разрабатывать общие теории («эцидженизм» на Гаити в 30-х гг., «негритюд», проявления движения «Черной силы» на Антильских островах, «Растафари»).

Однако ценность этой цивилизации заключается именно в ее противоречивом характере. Ее нельзя уложить в жесткие рамки категорий, не допускающих каких-либо отклонений от стандарта. Возможно, вывод, к которому мы можем прийти, изучая переплетение истории антильских народов, заключается в том, что национальное строительство может в наши дни обойтись без бесплодных конфронтаций, так же как и культурные ценности не теряют свою значимость, становясь общим достоянием. Антильские страны, познавшие рабство, а в некоторых случаях и «местные» тирании, дорого заплатили за эту привилегию культурных контактов и обменов.

Карибское море является сценой, на которой формируется общность. Драматург с Сент-Люсии Дерек Уэлкотт выразил эту мысль словами: «История — это море», и именно это имел в виду барбадосский писатель Эдуард Кэмоу Бретуэйт, сказав, что «единство — под водами моря». Оба они — поэты, которые тонко чувствуют и в своем творчестве выражают становление рождающейся в муках карибской цивилизации.

Антильское море является открытым морем. Араваки и карибы бывали во всех его уголках и, будучи морскими кочевниками, периодически возвращались к местам своих прежних поселений. Именно колонизаторы пытались, и порой безуспешно, «балканизировать» этот регион, разделить его на изолированные зоны, вовлекаемые здесь, как и в других районах мира, в конфликты крупных западных держав. Однако в 1794 г. рабы с Малых Антильских островов, взволнованные неизвестно как дошедшими до них слухами, предприняли попытку добраться до страны Туссена-Лувертюра, до будущей Республики Гаити.

Можно привести множество примеров, подтверждающих, что исторические пути народов Карибского региона, несмотря на возводимые колонизаторами барьеры, всегда переплетались. Однако Карибское море не замкнуто в тесном кольце окружающих его стран и народов с преобладанием центристических сил. Оно не является «внутренним морем», каким некогда было море Средиземное, а как бы выплескивается в окружающий мир, и поэтому определить характер такого социально-культурного феномена нелегко. Ростки карибской цивилизации распространились от Луизианы до Тобаго и Гайаны, пустив корни в почву, которая во всех других отношениях принадлежит к иным сферам влияния.

Однако культурные основы антильской действительности ни в коей

мере не являются определенными. Куда бы ни привозили рабов, на каждом острове, в любом пункте американского побережья от севера Бразилии до юга Соединенных Штатов создавалась единообразная система эксплуатации в целях выращивания таких ценных культур, как специи, табак, индиго, хлопчатник, сахарный тростник. Такой системой было плантационное хозяйство. Плантации — это не только структура экономики, основанная на рабском труде; это и образ жизни и культурная основа для создания множества антильских сказок, танцевальных ритмов, таких, как калинда и блюз.

Плантация была своего рода загоном, который не могли покидать ни рабы, ни вольнонаемные работники. Преграды стояли повсюду. Casa Grande e Senzala¹. Развитие плантационных хозяйств породило как бы два способа — политический и культурный — преодоления преград: побег и карнавал. Оба эти средства были широко распространены в регионе. Побег был не просто случайным эпизодом в борьбе угнетенных против угнетателей. Он в значительной степени определял унастроение народов региона, означая бегство в другой загон, ограниченный интеллектуальными и культурными рамками, в пределах которых жил каждый народ региона. Историческим их следствием стало страстное стремление к карибской солидарности.

Что касается карнавала, то он давал не просто возможность раскрепостить инстинкты, подавляемые на плантациях. Мало-помалу он содействовал тенденции превращения каждого культурного события в акт проявления самосознания, в празднество («Карифеста»), в акт совместного понимания мира и одного и того же повода для выражения своего отношения к нему.

На плантациях рождались свои сказки, баллады, музыкальные ритмы; именно они позволили взойти на карибском поэтическом небосклоне таким звездам, как Николас Гильен и Эме Сезер, именно они расцвели сочными красками палитру народных художников (живопись Гаити), привели к пышному расцвету и слиянию современных видов искусства (Вифредо Лам и Карденас), наполнили содержанием и украсили глубиной анализа произведения писателей (Карпентьер и Нейпол).

И вполне вероятно, что именно воспоминания об эпохе плантаций составляют многих представителей антильской интеллигенции уходить в мир *les damnés de la terre* и включаться в их борьбу: Маркус Гарви с Ямайки — среди негров в США, Джордж Падмор с Тринидада — в Гане, Франц Фанон с Мартиники — в Алжире. Такого рода самоизгнание и благородная добровольная ссылка получили столь широкое распространение, что остается лишь задуматься над причинами, лежащими в основе таких действий, — видимо, желание понять другого является фундаментом антильских традиций, а стремление «разорвать пути» все еще заставляет людей бежать с плантаций.

Таким образом, если антильские страны, для культурного многообразия которых характерны духовная щедрость, единение и изобилие в са-

мовыражении, все еще хотят найти свое лицо, то это объясняется именно этим изобилием духовных сил, которое зачастую недооценивается. А то обстоятельство, что после падения системы плантаций в различных районах сформировались политические и экономические системы, удивительно разнообразные по своему характеру, также объясняет, почему антильскую цивилизацию столь трудно понять или принять. В реальной жизни карибских стран нет никакой неопределенности, и тем не менее она ставит в тупик тех, кто пытается проанализировать культуру Антильских островов.

При существующем положении вещей не имеется возможности для создания федерации или конфедерации всех карибских государств. КАРИКОМ (Карибский общий рынок) объединяет главным образом англогово-

Photo © Société de Géographie, Paris

¹ «Большой дом и хижина раба» — название одного из трудов бразильского писателя Жилберту Фрейре.

Естественно и непринужденно несет на голове свой груз эта женщина с Мартиники, ступая босыми ногами по горячей земле. Покоящаяся на ее косынке связка бананов — открытая всему миру дневная плата за ее труд, в руках ее — корзинка со всеми ее пожитками. На долю женщины в странах Карибского бассейна выпадает немало тягот: они носят камни на строительстве дорог, выгружают уголь с судов, фрукты и овощи, растят детей.

Эта статуя из черного дерева «El Cuarto Famba 1a» (1973), принадлежащая резцу знаменитого кубинского скульптора Агустина Карденаса, названа так по имени уединенного места, где кубинцев африканского происхождения, доказавших свою верность традициям континента, откуда некогда вывели их предков, посвящали в члены тайной общины. С первых дней своей творческой деятельности Карденас создавал такие высокие деревянные тотемы, похожие на языки черного пламени, вырывающегося из африканского костра, который столетиями подслушно тлеет в сознании антильцев. Полные искренности и внутренней боли, они словно всплеск современного искусства, полного экспрессии, не находившей себе художественного выражения со времени расцвета исконно африканской скульптуры. Эти исполненные легкости, любовно сделанные статуи — наглядный пример синтеза культур, вдохновляющих работы Карденаса в дереве и мраморе. Они свидетельствуют о том, что художник может не только черпать вдохновение в прошлом своего народа, но и смело экспериментировать, создавая произведения искусства, которые одновременно и утверждают прошлое, и открывают новые горизонты в искусстве.

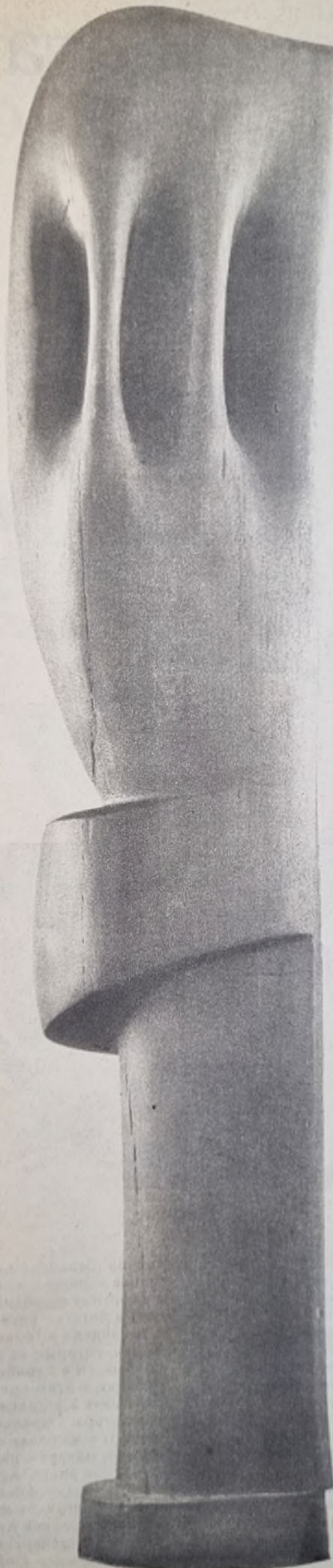

Photo © Luc Joubert. «Le Point Cardinal» series, Paris

рящие страны региона. В политическом плане карибские страны представляют все политические системы мира. И тем не менее антильские культуры еще никогда не демонстрировали такого единения своих характерных особенностей и еще никогда не представляли такую единую диверсифицированную концепцию человека.

Наиболее яркое выражение эта концепция нашла в креолизации, которая, как и этимология слова, допускает несколько толкований. Кто такой креол? Белый, живущий на Антильских островах? Белый, родившийся на Антильских островах? Или потомок африканца? Никто пока не мог дать точный ответ на этот вопрос. Креолизация — это не просто аккультурация; она связана с изначальными специфическими чертами и в некоторых случаях может быть порождением почти непримиримых противоречий, главное из которых, помимо образа жизни и культурного синкретизма, может заключаться в языковых различиях.

Этот феномен затрагивает языки, которые были привнесены в этот регион и которые, как я уже говорил, иногда используются очень своеобразно. Но наиболее крайним его проявлением является многообразие «пиджинов», в частности существование креольского языка, языка-компромисса, языка, рожденного на плантациях и распространенного на Гаити, Мартинике, Гваделупе, Кайенне, Сент-Люсии и Доминике.

На Тринидаде и Ямайке этот народный язык в наши дни уже исчезает, а в испаноговорящих странах региона на нем не говорили никогда. Тем не менее десятки миллионов людей мира, которые говорят на креольском языке (включая жителей Реюньона и Маврикия в Индийском океане, которые в силу странности, но важных социально-культурных причин тоже говорят на этом языке), имеют все основания рассчитывать на возрождение их родного языка, возрождение, которому, как многими признается, могут помешать наиболее распространенные языки мира, подкрепляемые обильной книжной продукцией.

Тот факт, что креольский язык служит для общения англоговорящим народам Малых Антильских островов, убедительно свидетельствует о том, что он не имеет ничего общего с местными производными от основных языков говорами, к категории которых зачастую относили те языки-компромиссы, которые возникли в период колонизации. Креольский — это не испорченный французский, ибо последнему совершенно чужд его синтаксис, имеющий африканское происхождение.

Таким образом, на карте современного мира карибские страны занимают особое место, являя собой регион, где взаимодействуют нации и общины, обладающие собственной спецификой и тем не менее стремящиеся к общему будущему. Эта область цивилизации открыта обеим Америкам, она постепенно преодолевает парализующее действие монолингвизма и начинает осознавать свою уникальную способность к симбиозу, к принятию в свое лоно великого множества зачастую противоречащих элементов, переплетающихся в истории народов Карибского региона. В наше тревожное время эта крайне хрупкая и одновременно неистребимая способность имеет особо высокое предназначение.

Карифеста

1 2

Photos Unesco,
Taken from «Carifesta 81»

Вверху: кадры из фильма, снятого по заказу ЮНЕСКО во время IV Карибского фестиваля искусств («Карифеста»), который проходил в Бриджтауне (Барбадос) с 19 июля по 30 августа 1981 г. «Карифеста», регулярное событие в культурной жизни региона, дает возможность карибским деятелям культуры показать свои работы широкой аудитории, и успех фестиваля отражает крепнущее осознание того, какие большие возможности появились в последние годы в области культуры в Карибском регионе. Если карибское искусство в целом — результат плодотворного синтеза всего привнесенного из Африки, Индии и Европы, то наиболее зримо это проявляется, по-видимому, в танце — виде искусства, для которого не существует языковых барьеров и границ. Это прежде всего богатое наследие африканских ритуальных танцев, которые сохранились благодаря тому, что каждое новое поколение стремилось сбегать по верья своих предков. На фото 1 и 2: танец ганга из Тринидада и Тобаго. Он вместе с тем и дань уважения Огуну, мифическому богу железа из пантеона народа

йоруба (Западная Африка). По поверью, во время таких танцев «орнши», или духи, нисходят на землю, «вселяясь» в смертных на несколько минут или часов. Еще одну яркую нить в богатый клубок влияний и веяний (фото 4, танцовщицы с Тринидада и Тобаго) принесли выходцы из Восточной Индии, которые на протяжении XIX в. и в начале XX в. прибывали в Карибский регион в качестве законтрактованных рабочих. В этом процессе взаимного обогащения не оказались в стороне и европейские танцы. В XVIII и XIX вв. плантаторы старались не отставать от культурной жизни Европы и на балах в своих роскошных дворцах отплясывали польки, мазурки, кадрили, менуэты и другие популярные танцы той эпохи. Африканские рабы и слуги наблюдали за этими танцами, усваивали их и истолковывали на свой лад, и их влияние сильно ощущается до сих пор. Фото 3: танцоры с Нидерландских Антильских Островов, где африканские ритмы и европейские танцевальные па слились воедино в оригинальной форме экспрессии.

Достояние прошлого

Дом на улице
исторического Кап-Антъена,
второго по величине города Ганги.

Photo M. Molmard © Explorer, Paris

Римская католическая церковь Девы Марии в Кингстауне,
столице Сент-Винсента.

Photo Kraft © Explorer, Paris

Photos Michael Friedel © Raplo, Paris

Набережная в Виллемстаде,
столице Нидерландских Антильских Островов.

Город Тринидад на Кубе,
основанный испанцами в 1514 г.

Месть Калибана

Роберто Фернандес Ретамар

В начале XIX в. одним из первых актов победоносной революции в Санто-Доминго, французской территории острова Эспаньола, было возвращение государству того названия, которое ему в свое время дали его коренные жители — Гаити.

Свыше полутора столетий спустя, после победы революции на Кубе (остров сохранил свое первоначальное название), новое правительство изменило названия пригородов Гаваны, столицы нашей страны. Кантри и Билтмор, кварталы, где жили те, кому был на руку ликвидированный революцией социальный порядок, вновь обрели свои древние названия — Кубанкан и Сибоней.

Ликвидация в ходе освободительной борьбы географических названий европейского (а в случае с Кубой — европейского и североамериканского) происхождения и восстановление первоначальных названий, которые дали здешним землям подлинные открыватели этого региона, стали распространенным явлением на Антильских островах. Однако примечательно, что ни кубинцы, ни гаитяне не имеют никаких этнических связей с народами, слова и топонимику которых они использовали в своей борьбе за полную независимость.

Высадка европейцев на Антильских островах — т. н. их «открытие» — возвестила о пришествии цивилизации, о которой кубинец Хосе Марти в 1877 г. писал: «Разрушительная цивилизация — вот два слова, которые хотя формально и противоречат друг другу, но тем не менее наилучшим образом отражают суть этого исторического процесса». И действительно, принуждаемые к рабскому труду, травимые, как дикие животные, тщетно пытающиеся спастись от противника, который располагал куда более современным оружием, доведенные до массовых самоубийств или становящиеся жертвой эпидемических заболеваний, ранее им совершенно неизвестных, коренные жители островов (ошибочно названные «индейцами») за несколько десятилетий после прибытия европейцев были истреблены почти полностью. Однако до нас дошла их лексика (некоторые слова вошли в европейские языки), практика возделывания различных сельскохозяйственных растений, свидетельства материальной культуры, такие привычки, как курение.

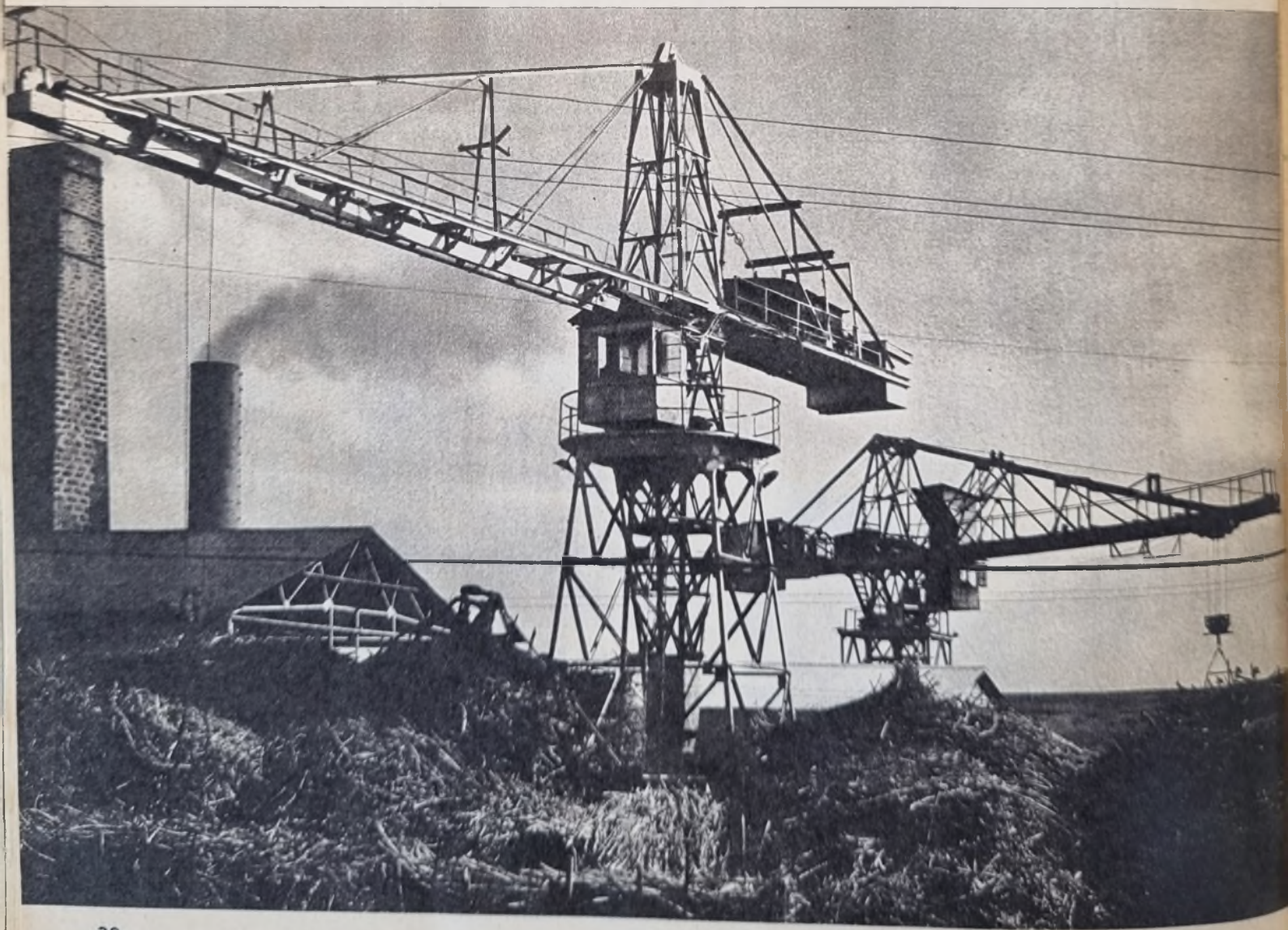
Едва ли можно предполагать, что гаитяне или кубинцы стремились тогда лишь к возрождению традиции, которая исчезла столетия назад

вместе с истребленными народами, среди которых она зародилась и существовала. Но восстановление древних слов и названий возвращает нас к старому спору о «благородном дикаре», спору, который неразрывно связан с нашей частью Америки, и особенно с Карибским регионом. Начало ему положило сообщение об открытии Нового Света, которое было получено в Европе в эпоху возникновения в ней капиталистических отношений.

Первыми, кого встретили европейцы в Новом Свете, были жители Антильских островов. Упоминание о них содержится в письме Христофора Колумба от 15 февраля 1493 г., которое было отправлено им в Европу с Канарских островов и содержало сообщение о сделанном им «открытии».

Эти народы состояли из двух основных групп, которые расселились на Антильских островах, проникнув туда через северную часть Южной Америки. Первая группа включала аруаков (араваков), к которым также относились сибоней (цибоней) и тайно, а вторая — карибов, которые и дали название этому «американскому Средиземноморью». Первая группа состояла из миролюбивых племен, вторая — из воинственных. Именно это различие и послужило основой для формирования двух основных представлений о народах Америки, — представлений, которые веками питали многочисленные дискуссии европейских мыслителей.

Впервые этот спор возник среди испанцев в XVI в. и касался конквисты т. н. индейцев и их прав. К числу тех, кто стоял на стороне индейцев, отво-

сильсь Вартоломе де Лас Касас, наиболее энергичный и известный их защитник, Франсиско де Витория, а также Антонио Монтесино, который своей проповедью в 1511 г. убедил Лас Касаса в правоте его дела. Среди тех, кто выступал против индейцев и ратовал за их порабощение, были Гонсало Фернандес де Обведео и Хинес де Сепульведа. Наиболее ожесточенную форму спор о правах индейцев принял между Сепульведой и Лас Касасом, которого Симон Боливар назвал «апостолом Америки» за его мужественную защиту коренного населения.

Вести о существовании народов, населяющих новый мир, доходили не только до Испании. Уже в 1516 г. англичанин Томас Мор выдумал идеальную страну Утопию, которая, как отмечал в 1963 г. аргентинский писатель Эсекьель Мартинес Эстрада, очень напоминала Кубу. В 1580 г. французский гуманист Мишель Монтень опубликовал эссе «О каннибалах», где он писал, что «в этих народах, согласно тому, что мне рассказывали о них, нет ничего варварского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривычно».

Такая оценка с различными вариантами сохранилась в качестве своего рода рабочей гипотезы в среде тех, кого мы теперь назвали бы либеральной западной буржуазией. Она была характерна для ее революционного развития и, видимо, достигла своего апогея в 1754 г., когда Жан-Жак Руссо дал ответ на вопросы, заданные Дижонской академией и состоявшие в следующем: «Каково происхождение неравенства среди людей? Предусмотрено ли оно естественным правом?»

Считается, что рассуждения Руссо о «благородном дикаре» наивны и идеалистичны. Однако, перечитывая его труды, мы увидим, что эти упреки несправедливы. Пожалуй, даже больше других он подчеркивал гипотетический характер такого существа. По его мнению, «непросто отличать подлинное от искусственного в существующей природе человека или в совершенстве знать состояние, которого не существует, которого, видимо, никогда не существовало и, вероятно все же, никогда не будет существовать» (курсив мой. — Ф. Р.)

Однако не может быть никаких сомнений в том, что, выдвигая свою гипотезу, Руссо в значительной степени имел в виду народы Америки, встреченные европейцами, и в первую очередь жителей Карибского региона, хотя — и это весьма примечательно — он также ссылается на представителей Черной Африки. В качестве примеров своего «благородного дикаря» он иногда приводил «черных», иногда «карибов Венесуэлы», «готтентотов мыса Доброй Надежды», а иногда — «дикарей Амери-

ки», причем на последних Руссо ссылался чаще всего. Он неоднократно упоминал эти народы, и особенно карибов, которые, по его мнению, «из числа существующих народов менее всего удалились от своего естественного состояния».

Тезис Руссо хорошо известен: «Тот, кто нес ответственность за цивилизацию человека... нес ответственность и за утрату человечности». В своем труде он осуждает то, что до него считалось цивилизацией, и возвращает новое начало, которое позволяет сохранить на новом этапе развития то позитивное, что имеется в «естественном». Учитывая дальнейший ход исторического развития, можно утверждать, что это новое начало было не чем иным, как великой буржуазной революцией 1789 г.

Довольно смутные представления европейцев о народах, с которыми они встретились в Карибском регионе, были использованы — начиная с Мора (в «Утопии» которого еще существовало рабство) и вплоть до Руссо — для защиты представления об изначальном добре человеческой природы, разрушающемся под влиянием европейского общества, и для разработки теоретической основы создания нового общества. Одновременно с этим формировалось другое, диаметрально противоположное представление об аборигенах Карибского региона, сначала шедшее параллельно взглядам Руссо, но позднее уже не совпадавшее с ними, а в географическом смысле вышедшее за пределы Карибского региона и даже за рамки Америки в целом. Начало этому представлению, так же как и первому, было положено еще Колумбом, который, переводя на один из европейских языков то, что он слышал на языке аборигенов (тайно), которого он не понимал, упомянул о существовании «карибов», которых он также называл «канибами» — «люди Великого Кана» (т. е. Великого Хана, ибо, как мы помним, во время своего первого путешествия Колумб считал, что он приплыл в Азию) и «канибалами», свирепыми народами, про которых говорили, что они едят человеческое мясо.

В то время как другие жители Антильских островов соответствовали условному образу «благородного дикаря», этот народ в такой же степени соответствовал не менее условному представлению о «дикаре неблагоприятном», в отношении которого наиболее ярый противник Лас Касаса Хинес де Сепульведа, обращаясь к старому тезису Аристотеля о прирожденных рабах, писал: «Испанцы совершенно правы, распространяя свою власть над этими варварами... которые столь же уступают испанцам в умеренности, понятливости и всех прочих добродетелях и чувствах человеческих, как дети уступают взрослым, как женщины уступают мужчинам, жестокие и безжалостные — кротким и смиренным, распущенные — сдержанным и целомудренным. В общем, я хочу сказать, что обезьяны уступают людям».

«Дикарю неблагоприятному» суждено было войти в литературу в образе Калибана, персонажа из пьесы Шекспира «Вуря». Шекспировский каннибал Калибан (кариб) — уродливое, человекообразное чудовище, у которого европейский волшебник Просперо отобрал его родной остров и научил своему языку (т. е. языку, на котором говорил сам Просперо) и которому он сохранил жизнь лишь для того, чтобы тот выполнял для него черную работу. Пожалуй, ни одно ли-

тературное произведение не изображает так правдиво и ярко кошмарную действительность колониализма.

Калибан-каннибал — это гипотетическое творение зарождающейся реакционной западной буржуазии, насадившей эксплуатирующих Просперо и эксплуатируемых Калибанов по всему миру. И здесь следует вспомнить, что, хотя подтверждение для своего гипотетического образа «благородного дикаря» Руссо искал среди аборигенов Антильских о-вов и народов Черной Африки, существовавшее «каннибал» в значении дикарь-людоед относилось не только к карибам, какова ни была бы этимология этого слова, а прежде всего к карибатурному изображению африканцев, с которыми мир знакомился по невинным на первый взгляд фильмам о Тарзане.

Такая печальная участь выпала коренным жителям нашего региона: вдохновить на создание возвышенных стихов и шедевров искусства для зарождающейся европейской буржуазии и одновременно с этим не устоять перед беспощадным нажимом «разрушительной цивилизации». Поскольку Калибаны были истреблены, поскольку для выполнения физической работы требовались новые и новые Калибаны, миллионы африканцев были оторваны от своего огромного континента, превращены в рабов и перевезены в наш регион. Позднее та же участь постигла многие народы Азии. Современные карибские народы появились в результате смещения потомков европейских угнетателей и африканских и азиатских угнетенных, смешения, которое все еще продолжается. Лишь учитывая эту суровую действительность, можно понять, почему страна, первая на Антильских островах добившаяся независимости и установившая новый социальный порядок, восстановила свое доевропейское наследие, которое с болью напоминает о трагедии истребленных Калибанов, открывших и своим трудом обогативших те места, где мы сейчас живем.

Однако культурную самобытность Карибского региона — после прибытия европейцев — определяло не только это наследие. Новый Карибский регион — это один из трех основных элементов, которые составляют то, что мы называем «нашей Америкой». Эти три элемента известны как Индо-Америка, Афро-Америка и Евро-Америка и на нашем субконтиненте соответствуют тому, что бразильский антрополог Дарси Рибейру назвал первыми народами, новыми народами и перемещенными народами. Общим для этих народов является то, что они были первыми жертвами колонизации, а затем неокolonизации и в качестве населения эксплуатируемых территорий находились под ярмом мировой системы капитализма. Их также объединяет большое количество различных характеристик особенностей, и поэтому они составляют единое целое. Но эта общность не означает их однообразия или однородности и вместе с тем не требует от нас выделения специфических черт, характерных для каждого района.

Наш район, который иногда называют Афро-Америкой, расположен в

РОБЕРТО ФЕРНАНДЕС РЕТАМАР (Куба) — поэт и эссеист, профессор Гаванского университета и директор журнала «Casa de las Americas». Его эссе и стихи переведены на многие языки мира.

Карибские страны и народы сегодня борются с тяжелым наследием прошлого — экономической зависимостью, порожденной плантационной монокультурной экономикой и положением придатков колониального хозяйства. Слова: современный сахарный завод на Барбадосе.

Эмблема КАНА, независимого информационного агентства, учрежденного при поддержке ЮНЕСКО в 1975 г. англоговорящими странами Карибского региона.

ЮНЕСКО И КАРИБЫ

Деятельность ЮНЕСКО затрагивает почти все аспекты жизни стран Карибского региона — начиная от нововведений в области образования в Доминиканской Республике и сотрудничества с Карибским информационным агентством (КАНА) и кончая оказанием помощи научно-исследовательским институтам региона, занимающимся проблемами биологии и загрязнения морской среды нефтью.

В области образования ЮНЕСКО в сотрудничестве с соответствующими странами начала осуществление крупного регионального проекта, в задачи которого входит: обеспечение восьми- и десятилетнего образования для всех детей в регионе; ликвидация неграмотности и развитие образования взрослых; реформа систем образования и повышение качества и эффективности их работы. Постановка таких задач, утвержденных межправительственной региональной конференцией, состоявшейся в Кито, столице Эквадора, в апреле 1981 г., свидетельствует о политической воле карибских стран — членов ЮНЕСКО начать процесс социально-экономического развития, во главе угла которого стоял бы человек и его всестороннее образование.

В области естественных наук ЮНЕСКО, в рамках своей программы «Человек и биосфера», занимается осуществлением крупного проекта научных исследований, подготовки и распространения опыта в целях комплексного управления влажными тропическими зонами. Опытно-показательные проекты в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна связаны с такими проблемами землепользования во влажных тропических зонах, как выборочная расчистка площадей, восстановление леса и переложное земледелие, а также миграция населения с гор в низменные тропические районы. В области морских наук акцент делается на укрепление научных инфраструктур в соответствии с потребностями государств-членов.

В области социальных наук ведется изучение эндогенных социально-культурных факторов с целью выявления самобытных форм развития, которые отвечали бы потребностям региона и в то же время не нарушали культурной самобытности отдельных стран. ЮНЕСКО также тесно сотрудничает с рядом организаций, занимающихся вопросами социальных наук в регионе, особенно в области исследований и подготовки кадров.

Одновременно ЮНЕСКО занимается осуществлением крупного проекта по изучению культурных контактов в регионе и их эволюции. Поощряются переводы с креольского языка и на креольский, планируется выпуск «Всеобщей истории карибских стран». 24 июля 1983 г., к 200-летию со дня рождения Симона Боливара Освободителя, впервые будет присуждена премия его имени, которая отныне будет вручаться лицам или учреждениям за достойный вклад в обеспечение свободы, независимости, достоинства народов и в укрепление солидарности между странами.

Карибском бассейне, его экономика основывалась на системе плантаций и труде привозившихся из Африки рабов, что оказало решающее влияние на нашу культуру и наш образ жизни, а позднее было дополнено целым рядом особенностей, принесенных выходцами из стран Азии.

История недавнего прошлого этого региона является историей моря, которое на заре капитализма видело появление европейских конкистадоров, их распри и грабежи. Именно Карибское море в начале XIX в. было свидетелем победы нашей революции, грозной революции в Гаити, которая (еще до Испании и России) разгромила войска Наполеона, отменила рабство и открыла Латинской Америке путь к независимости. В конце XIX в. это же море было свидетелем организованного Хосе Марти первого мощного движения, направленного против современного империализма, который тогда только зарождался, а в этом веке — свидетелем триумфа первой социалистической революции в Америке.

Поэтому истоки нашей культурной самобытности следует искать именно в той бурной исторической эпохе. При этом мы увидим, как много у нас общего, несмотря на то что мы были (а во многих случаях и остаемся) в подчинении у разных колониальных держав и поэтому говорим на разных языках. Мы познали колониализм, неоколониализм, империализм, отсталость и расизм, нам знакомы феодальные поместья, плантации и монокультурная экономика, мы испытали рабство, трансатлантические переходы и работорговлю, мы видели помещиков, надзирателей, рабов и маронов, нам знаком вкус сахарного тростника, кофе и бананов, мы знаем, как выглядит отжимной пресс для производства сахара, здание усадьбы на плантации и убогая хижина раба.

Хотя плоды синкретизма не всегда одинаковы, они временами очень напоминают друг друга — как, например, гаитянский культ вуду похож на ямайскую покоманию и кубинскую санtería. Но, пожалуй, ничто не говорит о нашей самобытности больше, чем наша музыка, известная всему миру. Эти «необузданные мелодии Индии», как точно охарактеризовал их Алехо Карпентьер, зародились вскоре после прихода европейских завоевателей и продолжают звучать в наши дни в таких ритмах, как гуарача, румба, конга, сон, болеро, мамбо, ча-ча-ча, калипсо, регги, меренге, тамборито, самба, боса-нова и сальса. Мы также не должны забывать, что развивавшаяся веками культура рабов с плантаций также проникла на юг территории, где сейчас находятся Соединенные Штаты Америки и где от слияния ритмов Африки и Европы родились спиричуэлс, блюз и всемогущественный джаз, родственные нашей собственной музыке.

Однако обрести нашу самобытность в полной мере нам еще только предстоит, и сделать это мы сможем лишь после того, как в нашем регионе будет полностью покончено с колониализмом и неоколониализмом. Лишь тогда мы сможем утвердить через свою историческую многогранность, которая ставит нас в одну шеренгу с другими народами мира, нашу роль важнейшего перекрестка человеческих цивилизаций, где сливается история разных народов, — история, в создании которой мы теперь будем активными участниками, а не пассивными созерцателями. И этот процесс уже идет.

Хосе Марти

„Гражданин Америк“

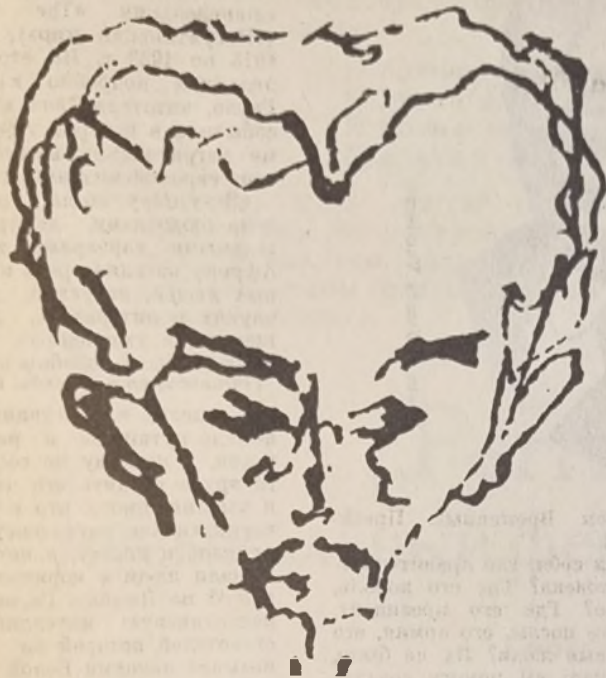

Photo © Snark International, Paris

Хосе Марти (1853—1895). Автопортрет.

Хосе Хулиан Марти, один из наиболее благородных, честных и эрудированных деятелей в истории Латинской Америки, занимает почетное место в героическом авангарде таких отцов национальной независимости, как Боливар и Сан-Мартин, Идальго и Морелос, Сукре и Туссен-Лувретюр, и являет собой наглядный пример неутомимого борца против колониального господства.

Марти родился в Гаване 28 января 1853 г. в семье добропорядочного мелкого правительственного чиновника, работавшего в системе испанской администрации на Кубе. С раннего детства он познал нужду и утомительную рутину повседневных обязанностей. Ежедневно сталкиваясь с произволом и коррупцией властей, Хосе Марти еще до достижения совершеннолетия стал противником режима, а после публикации его драматического произведения «Абдала», проникнутого патриотизмом и страстным стремлением к свободе, испанские власти на Кубе обвинили его в «неблагонадежности», и шестнадцатилетний юноша был приговорен к каторжным работам. Ввиду его слабого здоровья каторга была заменена ссылкой на остров Пинос, а в 1871 г. — высылкой в Испанию.

С этого момента жизнь Марти превращается в постоянные путешествия по Европе и Америке, и, хотя эти скитания бесправного эмигранта доставляли ему множество страданий, они же позволили ему стать человеком твердых политических убеждений и широкой культуры. В Испании Марти сумел ближе познать коррумпированный режим, который правил Кубой, но это не помешало ему по достоинству оценить (что свидетельствует о широте его натуры) те положительные качества, которые характерны для народа Испании, и использовать свое пребывание в этой стране для обогащения родного языка

из его истоков. Из Испании он отправился в Мексику, где начал читать лекции и активно занялся журналистикой. Его знакомство с Мексикой того периода привело к тому, что он всерьез начал заниматься проблемами Латинской Америки, проблемами, которым посвятил большую часть своей политической и культурной деятельности.

Марти вернулся на Кубу как раз к моменту подписания Санхонского мира в 1879 г. после окончания первой войны за независимость и в статьях и блестящих выступлениях отстаивал свое убеждение в том, что Куба может обрести свободу лишь путем вооруженной борьбы. Его вновь выслали из страны, он уехал в Испанию, потом выехал в Париж, а некоторое время спустя, в 1880 г., переехал в Нью-Йорк, где провел последующие четырнадцать лет своей жизни.

После приезда в Соединенные Штаты Америки Марти решил посвятить все свои физические и духовные силы освобождению Кубы. Ему приходилось определять наиболее эффективные направления деятельности кубинских эмигрантов, предусматривать последствия вооруженной борьбы, подготовка к которой уже велась, и убеждать всех в том, что такая борьба является своевременной и перспективной. Он завоевал полное доверие соотечественников и стал признанным руководителем борьбы за освобождение своей страны.

В 1891 г. Марти основал Кубинскую революционную партию — основное орудие подготовки к вооруженным действиям. С этого момента и вплоть до начала революции 1895 г. его жизнь превратилась в неистовый революционный порыв, сопровождаемый постоянными поездками по Северной и Южной Америке. Достигнув соглашения с кубинскими сепаратистскими лидерами доминиканцем Максимо Гомесом Базом и Антонио Масео, Марти решил

приступить к военным действиям. Перед самым началом сражения он вместе с Гомесом Базом написал и подписал «Манифест Монтекристи» — основополагающий документ, в котором говорилось о характере и целях революции. 11 апреля 1895 г. Марти высадился на Кубе и вступил в ряды повстанцев в качестве простого солдата. 19 мая того же года в Дос-Риосе, на востоке Кубы, испанская пуля оборвала его жизнь.

Перед своим отъездом на Кубу революционный вождь, понимая, что борьба за свободу может потребовать его жизни, оставил в Нью-Йорке огромное количество трудов, которые составили подборку в 27 объемистых томов. Это убедительно свидетельствует о том, что суровая жизнь революционера не препятствовала деятельности писателя.

Хотя его поэтические сборники «Измаэилью», «Свободные стихи», «Простые стихи» и «Цветы изгнания», в которых он делился своими тревогами и предчувствиями человека и революционера, представляя собой значительный вклад в современную литературу, наибольших успехов он достиг в области журналистики. Его знаменитые репортажи, публиковавшиеся во многих странах континента, служили общепризнанным источником информации для народов Латинской Америки.

Автор непревзойденных биографий (Эмерсона, Уитмена, Торо, Лонгфелло), дневников и выдающихся произведений эпистолярного жанра, которые, по мнению литературных критиков и искусствоведов, отличались глубокой содержательностью, Хосе Марти не давал ни на секунду угаснуть своей страстной любви к Латинской Америке. Он был всецело снесаем заботами о судьбах латинских народов западного полушария, и совершенно справедливо этого кубинского деятеля называли «гражданином Америк».

Сначала он думал только об освобождении своей родины, но потом сосредоточил внимание на всей Вест-Индии, о которой в 1894 г. писал: «Антильские о-ва находятся в центре внимания Северной и Южной Америки: будучи поработанными, они станут всего лишь плавучей базой в войне республиканской империи против ревностного и превосходного мира, который уже готовится бросить вызов ее могуществу... будучи свободными, они станут гарантией стабильности и независимости Латинской Америки, залогом чести большой республики Севера, которая в освоении своей территории... найдет больше величия, нежели в бесславном завоевании своих меньших соседей».

Однако, как писал поэт и эссеист Роберто Фернандес Ретамар: «Непосредственно Марти интересовала Куба... а в более широком смысле — весь Американский континент к югу от реки Браво, «ваша разноплеменная Америка». И хотя эта мысль встречается во многих его работах, с наибольшей ясностью она выражена в его фундаментальном труде «Наша Америка», который можно по достоинству назвать Великой хартией в полном смысле этого слова. В ней он говорит об исключительной уникальности этих земель, и это утверждение имеет первостепенное значение, ибо оно является основополагающей концепцией мировоззрения Марти. Это утверждение, эта убежденность и этот вызов являются отправным моментом во всех его представлениях и идеях.

Этот краткий очерк о Хосе Марти в значительной степени основан на более объемистом и детальном исследовании кубинского эссеиста Хуана Маринелью.

Маркус Гарви и его мечта

Photo © James Vanderee

Кеннет Рамчанд

В первой половине XX в. в Карибском регионе и Северной Америке возник ряд движений, участники которых — люди африканского происхождения — искали опору в своем историческом наследии и прошлом своих народов. На их труде зиждилась экономика, а их право на свободу было куплено дорогой ценой, но неграм Нового Света было не по себе в рамках западных обществ, в которые были завезены на кораблях их предки. Им говорили, что пришла свобода, но для негритянских масс она, казалось, никогда и не наступала. Негры, считавшиеся свободными людьми, жили в столь же деморализующих условиях — особенно после первой мировой войны, — что и их закованные в цепи предки.

«За последние пять столетий в мировой истории не было ни одной серьезной попытки освободить негров. Нам старались внушить, что нас освободил Авраам Линкольн, что нам дала свободу английская королева Виктория, но мы так и остались рабами, мы — рабы индустриального общества, мы — рабы в социальном и политическом отношении, и Новый Негр жаждет свободы, не знаящей ни границ, ни пределов».

(«Философия и взгляды Маркуса Гарви»)

Среди движений, ставивших своей целью поднять моральный дух и оказать реальную поддержку жертвам общества угнетения, наиболее ярким было движение, вдохновителем которого был Маркус Моас Гарви, негр с Ямайки, основавший Всемирную ассоциацию по улучшению положения негров. Родившись 17 августа 1877 г. на Ямайке, бывшей тогда британской колонией, Гарви умер безвестным изгнанником в британской столице в 1940 г. Гарви пользовался громадным авторитетом и влиянием среди негров Америки. Он был для них Черным Моисеем, духовным вождем, ниспосланным свыше, чтобы высвободить свой народ из пут; он был также создателем некоего политического королевства, Его Пре-

восходительством Временным Президентом Африки.

«Я спрашивал себя: где правительство черного человека? Где его король, его королевство? Где его президент, его страна и его послы, его армия, его флот, его деловые люди? Их не было, и тогда я сказал: «Я помогу создать их...» И я увидел перед собой, так же как я вижу сейчас, новый мир черного человека — не батраков, крепостных, собак и рабов, а нацию мужественных людей, оказывающих влияние на развитие цивилизации, зажигающих новую зарю для рода человеческого».

(«Философия и взгляды Маркуса Гарви»)

В пору своего наивысшего расцвета, в середине 20-х годов, Ассоциация Гарви насчитывала в своих рядах от 4 до 6 миллионов человек, она имела свои отделения, своих членов и сочувствующих во всех странах, где жили люди африканского происхождения.

Гарви лелеял мысль, что придет день, когда все негры вернутся в объединенную и независимую Африку. А тем временем негры Нового Света могли бы сделать немало для создания свободной Африки, на поддержку которой можно было бы рассчитывать, пока они странствуют по свету, и куда они могли бы вернуться в случае необходимости, для создания «нашего собственного государства, достаточно сильного, чтобы оказать защиту братьям по расе, рассеянным по свету, и пользующегося уважением государств и народов всего мира». А в тех странах, где сейчас проживают негры, они могли бы объединиться «для радикального улучшения нашего положения на промышленных предприятиях, в торговле, в социальном, религиозном и политическом отношении».

Однако в результате неумелого руководства, некомпетентности, алчности и коррупции его помощников большая часть экономических проектов Гарви закончилась крахом, они пошли на дно, как прогнившие корабли, проданные ему белыми дельцами по ценам черного рынка для судоходной компании «Черная Звезда», которая по его замыслу должна была стать основой негритянской торговли, символом возвращения на родину.

В области образования ему удалось добиться больших успехов, но не в такой мере, как он хотел. Основав в 1814 г. на Ямайке Всемирную ассоциа-

цию по улучшению положения негров, Гарви предложил открыть колледжи для негров по типу института в Таскиги, основанного Букером Т. Вашингтоном. Желая проконсультироваться по этому вопросу с Вашингтоном лично, Гарви решил посетить Америку в 1916 г. и затем перенес базу своей деятельности в Соединенные Штаты. Самым удачным предприятием Гарви в области образования для негров был еженедельник «The Negro World» («Негритянский мир»), выходящий с 1918 по 1933 г. На страницах еженедельника подробно излагались идеи Гарви, читатели узнавали о великих событиях в истории Африки, о героизме негритянских восстаний, о «дикости» европейских народов.

«В ту пору, когда Европа была населена людоедами, дикарями, отвратительными варварами и язычниками, Африку населяла раса культурных черных людей, искусных в искусстве, науках и литературе, людей просвещенных и утонченных, которые, как говорят, были подобны богам».

(«Философия и взгляды Маркуса Гарви»)

В мыслях и действиях Гарви было немало путаницы и непоследовательности, и поэтому не составляло особого труда осудить его как экстремиста и умалишенного, что и делали многие негритянские интеллектуалы. Свою неприязнь к классу, к которому принадлежали люди с коричневой и светлой кожей на Ямайке, Гарви перенес на негритянскую интеллигенцию, представителей которой он без обиняков называл лакеями Белой Америки.

Некоторое время Гарви даже сотрудничал с ку-клукс-кланом, поскольку тот тоже стоял за чистоту рас и за эмиграцию негров из Соединенных Штатов. Нетерпеливость и недипломатичность Гарви приводили к постоянным столкновениям с властями, пока те в конце концов не расправились с ним, предъявив ему неубедительно сфабрикованное обвинение в использовании почты США для надутельства пайщиков судоходной компании «Черная Звезда». В 1928 г. высланный из США Гарви возвратился на Ямайку, где его ждали старые недруги — люди с коричневой и светлой кожей. Испытав унижения на своей родине, несостоявшийся пророк отправился в добровольное изгнание в Англию, где и умер повергнутым, разочарованным во всем человеком.

В 1964 г. прах Гарви, похороненного на лондонском кладбище, был возвращен на ямайскую землю. Несколько лет спустя его официально объявили национальным героем. Но и до этого современники Гарви, в том числе и те, кто никогда не был причастен к его достижениям, пытались провести грань между слабостями и чудесами этого тщеславного, эгоистичного, мятущегося человека и его непреходящими достижениями.

Ряд положений его философии и некоторые его взгляды были не новы, многие из них выдвигались и ранее негритянскими интеллектуалами или писателями, о которых Гарви, возможно, никогда и не слышал. Тем не менее этот искусный оратор, актер и несравненный пропагандист удивительно легко находил общий язык с простыми неграми, как никто другой, умел затрагивать их сердца. Никому до Гарви не удавалось организовать массовое движение таких масштабов, так воодушевить широкие слои негритянского пролетариата, пробудить его энтузиазм. «Я научу черного человека видеть красоту в самом себе!» — говорил он. Никто не вселял в сердца негров столь высокого чувства собственного достоинства, как Гарви.

КЕННЕТ РАМЧАНД (Тринидад и Тобаго) — преподаватель вест-индской литературы в Вест-Индском университете. Опубликовал ряд работ, в том числе: «Вест-индская повесть», «Вест-индский роман и его истоки», «Вест-индская поэзия», «Введение в вест-индскую литературу».

Музыкально-песенный стиль „регги“ возник среди городской бедноты на Ямайке в начале 60-х гг. и быстро распространился в других странах, завоевав особую популярность у молодежи. Пульсирующие мелодии песен „регги“, исполняемые на гитарах и ударных инструментах, представляют собой синтез африканских и afroамериканских ритмов; в текстах песен находят отклик не только события современной жизни и вечные темы человеческих страстей, но и щемящие воспоминания о прошлом:

Я помню, как щелкает бич,
И кровь моя — лед и пламень.
Я помню невольничий бриг,
Где душу мою растоптали.

Корни музыки „регги“ (кстати, происхождение этого слова точно не установлено) уходят в далекое прошлое Ямайки, где, как и в других странах Карибского региона, рабы свято хранили ритмы, песни и танцы родной Африки.

„Регги“: музыкальный феномен Ямайки

Себастьян Кларк

Текст © Перепечатка воспрещена

Первая партия африканцев, вывезенная европейцами в так называемый Новый Совет, прибыла на Ямайку в 1509 г. Хотя эксплуатация природных богатств острова приносила испанцам немалые прибыли, не все его возможности они использовали полностью. Основы его экономики были заложены лишь в 1655 г., когда Ямайку захватили отряды Оливера Кромвеля, ставившего перед собой цель «завоевать обширные испанские владения в Карибском море». Когда англичане прибыли на остров, он был почти безлюден, экономика его находилась в упадке, и им было нетрудно отвоевать его у испанцев с помощью африканских рабов.

Хотя африканцы и были обращены в рабство, в них никогда не угасал мятежный дух сопротивления. История Ямайки — это история восстаний. Рабы бежали от хозяев в горы, где создавали культурные, политические и религиозные общины по африканскому образцу. Они называли себя маронами.

Мароны сражались с англичанами, вселяя ужас в сердца рабовладельцев и разрушая их поместья. Англичане, которым, несмотря на присутствие многочисленной армии, так и не удалось разгромить маронов, наконец пошли на мировую, заключив с ними договоры и разрешив им оставаться на своих землях.

Но к концу XVIII столетия мароны как единая оппозиционная сила бы-

ли все же разгромлены. Тем не менее африканцы, несмотря на тяжелое бремя рабства, сумели во многом сохранить традиции своей культуры. Они выработали свое собственное средство общения — смесь английского и африканских языков, фонетически близкую к африканским наречиям. Они пели песни о своей тяжелой доле, разыгрывали мистерии, особенно на рождество, облачались в яркие африканские одежды и танцевали под рокот барабанов.

Многие формы религиозного культа не претерпели никаких изменений. Это объяснялось тем, что представители ортодоксальных религий были не слишком заинтересованы в обращении африканцев в христианство. Священники крестили их «оптом», причем небезвозмездно. Однако, когда afroамериканский проповедник и бывший невольник Джордж Лил основал эфиопскую баптистскую церковь, к ней потянулись многие африканцы, т. к. обряды ее были сходны с их собственными и она обещала спасение и избавление от оков рабства после смерти.

80-е годы прошлого столетия были на Ямайке периодом широкого религиозного возрождения, центром которого явилась община храма св. Фомы. Большую роль в этом сыграли черный проповедник-баптист и член местного церковного совета Джордж Уильям Гордон и братья Пол и Мозес Богли. Они не только способствовали возрождению веры, но и отстаивали права бедняков. В конечном счете это движение привело к восстанию, известному как «восстание в Морант-Вей» (1865).

На подавление этого восстания, участники которого протестовали против бедности, были брошены британские экспедиционные войска; Гордон и Пол Богли были убиты. Следующее отметить, что эти события сыграли

важную роль в жизни этого района, т. к. именно здесь зародилось религиозное и политическое движение «растафари», получившее свое название по имени Раса Тафари, как звался император Эфиопии Хайле Селассие до своей коронации в 1930 г.

История «растафари» неразрывно связана с именем Маркуса Гарви, родившегося в приходе св. Анны. С ранних пор его волновала проблема улучшения условий жизни беднейших слоев населения (см. с. 42). Переехав в 1916 г. в Соединенные Штаты, Гарви энергично занялся организацией движения за улучшение положения негров, причем не только в Соединенных Штатах, но и во всем мире.

Когда американское правительство, стремясь подорвать его влияние и внести раскол в новое движение, бросило Гарви в тюрьму, а затем выслало из США, предъявив ему обвинение в «мошеничестве», он возродил это движение на Ямайке, где на одной из встреч своих сподвижников якобы сказал: «Смотрите на Африку, где будет коронован черный король, ибо день избавления близится».

Последователи Гарви искали подтверждение его слов в Библии и умудрились найти его там, где говорится об Эфиопии, о том, что будут сломаны семь печатей, и особенно в упоминаниях о «льве Иудей, корне рода Давидова» и т. д. Когда в 1930 г. был коронован Рас Тафари (Селассие), он принял старый титул: «Всепобеждающий лев из племени иудейского, царь царей, владыка владык» и прочее. Но еще до коронации Хайле Селассие концепция «эфиопизма» в небольшой степени способствовала осознанию неграми того факта, что все утверждения европейцев о том, будто до их прихода африканцы были дикарями и не внесли никакого вклада в мировую культуру и цивилиза-

СЕБАСТЬЯН КЛАРК родился на Тринидаде. Автор целого ряда литературных и журналистских произведений на тему современного карибского искусства. В 1979 г. под его редакцией вышла антология современной карибской литературы «New Planets». Автор работы «Jah Muzic», вышедшей в 1980 г. Сейчас работает над биографией Боба Марли.

Photo Jacques Pavlovsky © Sygma, Paris

Музыка «регги» — чисто ямайское явление, а история ее возникновения похожа на историю появления большинства популярных музыкальных форм, таких, как «соул» и «рок-н-ролл». Творцы «регги» — беднейшие слои городского населения, «страдальцы» столицы Ямайки, Кингстона, создавшие угловато-резкие, завораживающие мелодии, которые покорили сердца во многих странах, ибо музыка «регги» распространилась теперь чуть ли не по всему миру. На фото сверху — наиболее известный исполнитель музыки «регги», ныне покойный Боб Марли со своим ансамблем «I-Threes» во время концерта в Бурже [Франция] в 1980 г., собравшего тысячи поклонников «регги».

Photo Owen Franken © Sygma, Paris

«Музыка является немаловажным фактором в жизни черного населения, будь то на Ямайке (вверху), в Южной или Северной Америке или в Европе...»

цию, не что иное, как фальсификация истории. Это привело к тому, что негры стали отвергать Библию как средство, используемое европейцами с целью удержать черных в духовной кабале, и к убеждению, что негры должны создать новые религиозные учения на основе религий древней Африки. Неудивительно, что в тот период появилась обширная литература, посвященная этой проблеме; люди жадно искали ответа на волнующие их вопросы. Это способствовало более широкому обсуждению проблем африканской культуры и свидетельствовало, что негритянские народы готовы к самоуправлению.

Коронация Хайле Селассие ознаменовала окончательное становление новой религии. Основоположниками ее были Леонард П. Хоуэлл, Джозеф Натаниел Хибберт и Арчибальд Данкли. Все они, хотя и в разной степени, испытали на себе гнев властей. Их травили, преследовали, бросали в тюрьмы, избивали, обривали головы. В ранний период «растафари» область его распространения не ограничивалась Ямайкой. Негры-проповедники из «Афро-Америки», Южной Африки, с Антигуа и самой Ямайки, приняв концепцию «эфиопизма» и заветы Гарви, создали ряд важных трудов, в значительной мере способствовавших оформлению «растафари».

В основе философии «растафари» лежал антиколониализм и утверждение самобытности африканской культурной и социальной истории. Она выдвигала как религиозные, так и политические альтернативы, и идеалами ее была Африка, Хайле Селассие — как божественная личность, потомок царя Соломона и царицы Савской, и длинная, непрерывная цепь царей после них. С этой точки зрения не столь важно был ли Хайле Селассие деспотом, образ его запечатлен в душе народа, т. к. опрокидывает представление, будто короли и королевы есть только у белых народов, а в центре вселенной всегда стояла Европа.

Учитывая это стремление к культурной самобытности, исполнение по канонам европейской музыки песен, созданных в Европе, противоречило бы принципам, которым следовали растафарианцы. Поэтому они слагали собственные песни, перекладывая библейские псалмы, а также создавали новые религиозные песнопения. Одной из народностей Ямай-

ки, сохранившей свою манеру исполнения на барабанах, является племя бурру, состоящее из прямых потомков ашанти из Ганы. Растафарианцы дали бурру свою новую религию, а сами восприняли их африканскую манеру исполнения. Все это произошло в трущобах западного Кингстона, где живут бедняки и обездоленные.

В 40-х гг. на Ямайке была популярна афроамериканская музыка (музыка американских негров). Это увлечение сохранялось и в 50-х гг., когда были модными «ритм и блюз» (РБ) и «буги-вуги» (возникшие из музыкальных стилей, отражавших те же мотивы нужды и бесправия, которые были знакомы и ямайцам, и имевших тот же первоисточник — Африку). Эту музыку записывали на грампластинках, ее передавали по радио. Ямайцы могли в коротковолновых диапазонах слушать музыку, передававшуюся радиостанциями американского Юга (Ямайка находится в 160 км от Майами).

Молодые певцы — Оуэн Грей, Уинстон Джекки Эдвардс, Лорел Эйткен и Олтон Эллис, — как правило, имитировали различные стили афроамериканской музыки. Главным элементом «буги-вуги» был четкий фортепьянный ритм, который импонировал ямайским музыкантам, и, когда на смену «ритму и блюзу» пришел рок-н-ролл, он не оказал на них глубокого эмоционального воздействия. Ямайцы сохранили фортепьянный ритм, вкладывая в него новое содержание. Вначале они продолжали традиции стиля «ритм и блюз», но затем постепенно стали создавать свою собственную музыку. Знаменательно, что начало этому было положено в 1962 г., когда Ямайка обрела независимость.

Ямайским музыкантам, происшедшим из беднейших слоев городского населения, в среде которого зародился «растафари», безусловно, было свойственно политическое и культурное самосознание. Их произведения подчас отражали события, происходившие как внутри ямайского общества, так и во всем мире. Например, «Песню независимости» сложили музыканты наиболее популярного джаз-бэнда того времени «Скаталиты».

Уже в 1958 г. «Фолкс бразерс» выпустили первую пластинку с записью «растафарской музыки» на ударных инструментах. Это была старая песня американских негров «О Кароли-

на», которую исполнили знаменитый ямайский музыкант Принс Бастер, подражавший звуку саксофона, т. к. у него просто не было денег, чтобы купить инструмент, и ныне покойный Каунт Осси, выдающийся ударник и ведущий популяризатор игры на ударных инструментах.

Политические и экономические возможности ямайцев возросли после завоевания независимости. Утверждение своей независимости стало важнейшим фактором политической жизни ямайского общества. В 60-х и 70-х гг. этот процесс получил дальнейшее развитие, и в него начали втягиваться беднейшие слои городского населения, что нашло отражение в произведениях его «певцов-страдальщиков».

Ямайская народная музыка связана родственными узами с музыкой других народов Карибского региона. В 50-х гг. самым популярным местным музыкальным стилем был стиль «менто» — смесь «калипсо» и музыкальных ритмов испаноговорящих карибских стран. В конце 70-х и в 80-х гг. в ямайской музыке явно прослеживается тяготение к стилю «калипсо» как ритмическому элементу, который в исполнении ямайских музыкантов вплетается в стиль «регги». Важно, однако, то, что темы «калипсо» наложили свой отпечаток на песни ямайских певцов. Темы популярных тринидадских калипсо, переработанные и переосмысленные в контексте ямайской культуры, и положили начало песням «регги».

Ныне музыка «регги» по-прежнему не ограничивается какой-либо единичной музыкальной концепцией или темой. В песнях поется о любви, смерти, разрушениях, войне и других жгучих проблемах. В то же время творчество ямайских музыкантов неразрывно связано с борьбой за политическое освобождение негров во всем мире. И когда в песнях идет речь об освобождении, то имеются в виду не только ограничения, касающиеся цветного населения.

Черные люди всего мира восприняли эту музыку как свою собственную. Например, негры, живущие в Европе, также внесли свой вклад в ее развитие. Они обогащают эту музыку звучанием новых инструментов и, используя свой опыт исполнения произведений в других стилях, особенно в афроамериканском стиле «соул и джаз», придают «регги» новое содержание. Музыка, безусловно, играет важную роль в жизни африканских общин независимо от того, находятся ли они на Ямайке, в Америке или в Европе. В Европе эта музыка придает силу и решимость неграм, страдающим от европейского расизма и предрассудков, вдохновляя их на борьбу.

В стилевом отношении ямайская музыка непрерывно претерпевает изменения. Возникают все новые стили игры на ударных инструментах и бэссе (основа ансамбля) и вокального исполнения. Распространению стиля «регги» в других странах, несомненно, во многом способствовал ныне покойный Боб Марли, отнюдь не поступая своими политическими убеждениями. Сейчас музыка «регги» вышла за пределы творчества Боба Марли и наполнилась новым духовным содержанием, выражая чаяния всех людей с черным цветом кожи, их надежды на завоевание свободы и справедливости. До тех пор пока страдание остается нормой жизни черного населения, музыка «регги» будет играть важную роль в его борьбе.

Photo © D. Ceyrac, Paris

СОВЕЩАНИЕ ЭКСПЕРТОВ ЮНЕСКО И МАПРЯЛ В МОСКВЕ

25—30 января 1982 года в Москве состоялось международное совещание «Психологические основы ускоренного обучения взрослых иностранным языкам», организованное по инициативе и при поддержке ЮНЕСКО Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

С приветствием к участникам совещания обратились генеральный секретарь МАПРЯЛ В. Г. Костомаров, представитель Генерального директора ЮНЕСКО В. В. Коптилов, первый заместитель ответственного секретаря Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО Г. А. Можжев, президент Международной ассоциации аудиовизуальных методов М. де Грев.

В работе совещания приняли участие более 30 экспертов из Бельгии, НРБ, ВНР, ГДР, Дании, Италии, Нидерландов, СССР, Франции, ЧССР, в том числе такие известные ученые, как П. Я. Гальперин, Г. А. Китайгородская, З. Кольт, А. А. Леонова, Г. Лозанов, А. В. Петровский, Э. Салонтаи, Р. Титоне, Я. Яноушек. В дискуссии выступили также специалисты из СРВ, Индии, Кубы, Мали, ПНР.

В соответствии с программой совещания были обсуждены такие научные проблемы, как современные психологические теории обучения иностранным языкам для целей общения; психологические особенности преподавания русского языка (как иностранного) взрослым; психологические и психолингвистические основы различных видов интенсивного обучения иностранным языкам; социальная психология групп и коллективов и психология общения в системе научного обоснования обучения иностранным языкам; психологические основы использования технических и аудиовизуальных средств в целях интенсификации обучения иностранным языкам, а также основные направления и организационные формы международного сотрудничества в области психологии обучения иностранным языкам.

На совещании было отмечено, что научные методы интенсивного обучения иностранным языкам уже в течение многих лет применяются на практике и успешно зарекомендовали себя во многих странах мира. Наличие методических центров интенсивного обучения в отдельных странах (ГДР, НРБ, ВНР и др.) во многом облегчает работу преподавателей и слушателей, исключает появление псевдонаучных форм обучения в этой области. С удовлетворением был отмечен и достигнутый в СССР высокий научный уровень развития психологии обучения иностранным языкам.

Отметив, что разработка и реализация проблем интенсивного обучения взрослых иностранным языкам способствуют претворению в жизнь рекомендаций Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975), эксперты ЮНЕСКО и МАПРЯЛ одобрили предложения по дальнейшему расширению международного сотрудничества в этой области.

Ниже публикуется текст выступления первого заместителя ответственного секретаря Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО Г. А. Можжева:

— ЮНЕСКО как одна из самых крупных и важных международных организаций интеллектуального характера имеет довольно широкий, многосторонний диапазон действий: от ликвидации неграмотности и осуществления опытно-показательных проектов по строительству школьных зданий до изучения мозга и клетки, использования спутников связи.

Нашли свое место в ее программах также вопросы, связанные с тематикой данного совещания. Например, что касается методов обучения, использования аудиовизуальных средств в учебном процессе, то предусмотрен выпуск книг о новых тенденциях в области методов и средств обучения, о профессиональной подготовке специалистов по новым средствам обучения, многоязычного словаря терминов по методике обучения и др. Большую работу ведет ЮНЕСКО в области лингвистики. Так, в течение ряда лет осуществляется 10-летний план изучения устных традиций и языков Африки, проводятся исследования по креольскому языку, по языкам Океании, сравнительные социолингвистические исследования по языкам района Индийского океана, запланировано проведение в 1982-1983 гг. международного симпозиума на тему «Языки как средство выражения культурной самобытности», совещания экспертов по определению приоритетных направлений в преподавании языков, междисциплинарного симпозиума по совершенствованию методов преподавания языков в странах Африки, совещания экспертов по стратегии развития африканских языков до 2000 г. и т. д. Но программа ЮНЕСКО по лингвистике (с охватом всех основных направлений этой науки), так же как по психологии и антропологии, будет значительно расширена и развита. Об этом авторитетно заявил на последней, 21-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (Белград, 1980) Генеральный директор Организации А.-М. М'Боу. Данное совещание является показателем развития этой программы в ЮНЕСКО.

Безусловно, в работе этого совещания, кроме психологов и лингвистов широкого профиля, примет активное участие большое число специалистов по преподаванию русского языка как иностранного. Поэтому представляется уместным кратко информировать о предпринятых в последнее время шагах по расширению использования в ЮНЕСКО русского языка. 21-я сессия Генеральной конференции, подчеркивая «значение русского языка как одного из основных средств осуществления международного культурного и научного сотрудничества в целях укрепления всеобщего мира и взаимопонимания между народами и содействия социальному, научному и культурному прогрессу человечества», «учитывая важную роль, которую русский

язык играет не только в сохранении культурной самобытности народов, говорящих на нем, но и в международном общении», утвердила план мероприятий по расширению использования в ЮНЕСКО русского языка и выделила на эти цели свыше 2 млн. долл.

В соответствии с этим планом с 1982 г. на русском языке, кроме уже выпускаемых 25 лет изданий «Курьер ЮНЕСКО» и «Журнал ЮНЕСКО по информатике, библиотечному делу и архивоведению», будут выходить следующие журналы: «Перспективы», «Культуры», «Импакт: влияние науки на общество», «Музеи», «Природа и ресурсы». С этого года в СССР будет также ежегодно выпускаться в переводе на русский язык несколько десятков книг ЮНЕСКО (монографий, справочников, обзоров), представляющих интерес для советской науки, культуры и образования.

В настоящее время в деятельности ЮНЕСКО наступил весьма важный и ответственный этап: идет разработка нового Среднесрочного плана на 1984—1989 гг. Этот план будет рассмотрен и утвержден 4-й чрезвычайной сессией Генеральной конференции в октябре с. г. Поэтому представляется целесообразным, чтобы данное совещание воспользовалось этой благоприятной возможностью и рекомендовало ЮНЕСКО включить в свои программы соответствующую тематику по лингвистике, имея в виду как подготовку и выпуск монографий, так и проведение совещаний экспертов.

Вполне понятно, что изучение, распространение и использование иностранных языков имеет важное значение для деятельности ЮНЕСКО, так как ее важнейшая задача состоит в укреплении мира, дружбы и международного взаимопонимания посредством развития широкого культурного и научного сотрудничества между странами и народами.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что большие и ответственные задачи стоят перед Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы. Стремление к изучению русского языка во все большей мере проявляется на всех континентах. И это не случайно. Это отражение исторической роли великого русского народа, строящего новое общество; народа, располагающего бесценным культурным наследием и добившегося больших высот в развитии современной науки и техники.

Тысячи юношей и девушек из развивающихся стран получают образование в СССР, еще большее их число хотело бы учиться в Стране Советов. Разумеется, что огромное значение имеет их языковая подготовка, способность преподавателей быстро и эффективно научить их владению русским языком.

Несомненно, данное совещание внесет свой вклад в это благородное дело, и не только в распространение русского языка, но и в дальнейшее развитие научного подхода к этой проблеме в целом.

Научный консультант русского издания — кандидат филологических наук М. И. БЫЛИНКИНА

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ
Т. Ю. СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119021, Москва, ГСП-3, Zubовский бульвар, 17, т. 247-18-40
Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зак. 38
Цветные вкладки отпечатаны во Франции

Лица Вест-Индии

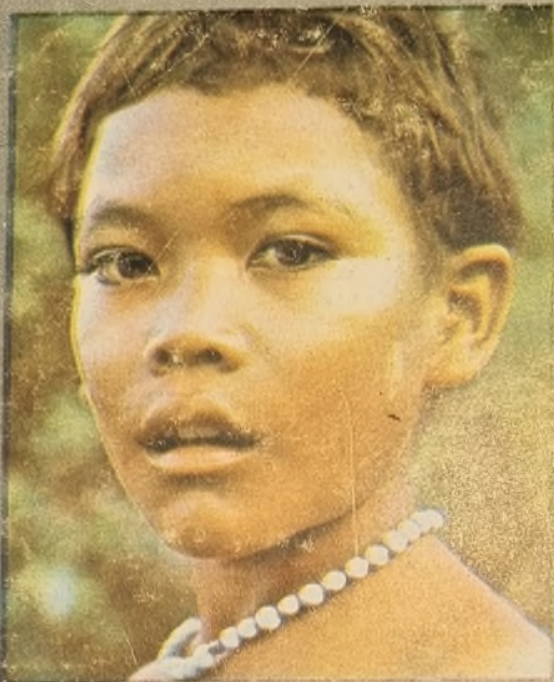

Photo © D. Ceyrac, Paris

Photos © Alan Hutchison Library Ltd., London

Photos Michael Friedel © Rapho, Paris

Photo Ted Spiegel © Rapho, Paris

Photo © D. Ceyrac, Paris